

Петр Никонов

Лорды Нью Эвалона

Петр Никонов

Лорды Нью Эвалона

«Издательские решения»

Никонов П. В.

Лорды Нью Эвалона / П. В. Никонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902012-3

Мрачный, нуарный мир альтернативного Нью-Йорка 1920—1930 годов, которым правят могущественные маги. Мир жестокий, но такой интересный и детально проработанный. Мир, в котором каждый делает свой сложный и необратимый выбор: бороться ли за свободу людей, искать ли расположения лордов в желании быстро обрести власть и богатство или просто смириться и жить своей жизнью, принимая обстоятельства, как они есть. Главное, не забывать, что каждое решение имеет свои последствия.

ISBN 978-5-44-902012-3

© Никонов П. В.
© Издательские решения

Содержание

Часть I. Мальчик на Пустошах	6
Часть II. Хрустальная туфелька	20
Часть III. Воздушный корабль	29
Часть IV. Красавицы и чудовище	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Лорды Нью Эвалона

Петр Викторович Никонов

Дизайнер обложки Борис Нурчукович Аджиев

© Петр Викторович Никонов, 2018

© Борис Нурчукович Аджиев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-2012-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Мальчик на Пустошах

Вот не заладилось в этот раз всё с самого начала.

Как назло, Кейтлин решила именно в этот раз почему-то устроить истерику. Дескать, Рэй проводит на Пустошах больше времени, чем дома с ней и с детьми. Случалось это с ней порою, хотя и нечасто. Пришлось успокаивать.

Потом патруль у Границы оказался незнакомым, и пришлось долго с ними препираться, пока удалось наконец-таки убедить их позвать лейтенанта МакКорвика. Он-то Рэя хорошо знал и уважал, недаром столько бутылок виски и журналов со спрятанными между страниц банкнотами Рэй ему отнес за все эти годы.

Наконец, перед самым входом на Пустоши на левом запястье порвался ремешок, прижимающий перчатку к рукаву куртки, чтобы ни пылинка не просочилась под одежду. Помогало это, конечно, мало, и в свои сорок лет Рэй выглядел почти на шестьдесят, вся кожа была в черных точках, вены на руках отливали лиловым, а в глазах были заметны фиолетовые прожилки – ну, это цена ремесла. Однако и рисковать лишний раз не стоило. Ремешки запасные у Рэя, конечно, были в достатке, но ещё двадцать минут оказались бездарно потерянными.

В результате его планы пройти за день двадцать миль вдоль двести шестой дороги на север и заночевать в Фарадее накрылись, как бы это помягче сказать... эээ... медным тазом. Ночевать предстояло прямо на дороге посреди Пустошей. Со всеми вытекающими последствиями.

Стремительно темнело – начало февраля, конечно, не декабрь, но в полшестого уже наступают сумерки. Пора было искать и место для ночлега. Жаль, он хотел добраться до Грей Рокс уже завтра, но, похоже, путешествие немного затянется.

Черные камни окружающей почвы, казалось, становились еще темнее, хотя куда уж. Редкие желтые иссохшие травинки между ними бледнели и теряли цвет. Фиолетовые ветки вечно сухих кустов – Рэй знал, какие они ломкие: только тронешь, и рассыпаются в пыль, ядовитую пыль – наливались чернотой, глубокой, как ночное небо перед грозой. Голые коричневые скалы, вдоль которых петляла дорога, точнее, остатки дороги, приобретали особенную мрачность и торжественность.

Еще чуть-чуть и небо окончательно поблекнет, потемнеет, и покроется ярко светящими звездами. Звезды на Пустошах всегда яркие, спасибо Границе – здесь не бывает облаков. Граница работает отлично: ни ядовитой пыли не выбраться с Пустошей, ни облакам не пробраться на них. Ночь обещается безлунной, а значит, проведем время в компании Медведиц, Рыб и Млечного пути. Ну, и слабого отсвета сотен тысяч огней Нью Эвалона далеко на востоке.

Рэй протер стекла противогаза перчаткой. Пора искать место для ночлега. Ставить палатку в абсолютной темноте ему не улыбалось. Надо еще и топлива для костра собрать. Вон, вроде, остатки поваленных обгоревших сосен. Какое-никакое, а топливо.

Странно, что он так раздражен. Вероятно, это из-за того, что пришлось менять планы из-за этих мелких досадных задержек. Не любил он такого: всё любил распланировать и четко следовать собственному плану. Если что-то вмешивалось и мешало – всегда испытывал досаду и раздражение. Ну, что ж делать. Рэй вздохнул и скинул с плеч тяжелый рюкзак.

Вообще-то, он любил ночевать на Пустошах под открытым небом. Это напоминало ему о том, как он, еще полный романтических мечтаний, ходил на Пустоши первые несколько раз двенадцать лет назад. Седой Ричард О'Хара, смешливый Джон Коул, задумчивый Брайан Финниган. Где они сейчас? Ричард погиб на пустошах пять лет тому как. Джон подался на запад и ни разу весточки не прислал. А Брайан однажды просто исчез из своего маленького покоевского домика, и никто не знал, куда: ни следов, ни записки. Разные слухи ходили, но всё ни о чём.

И всё равно, Рэй любил это чувство одиночества. Любил быть наедине со звездами посреди мертвых и смертельно опасных Пустошей. Любил тишину и покой этого странного и, скажем прямо, жуткого места. Любил чувствовать себя господином этой земли, повелителем собственной судьбы и собственной жизни. Таковым он мог ощущать себя только здесь – как только он пересекал Границу, возвращаясь, его жизнью тут же начинали распоряжаться другие. Возможно, за этим ощущением свободы и власти над самим собой он сюда и ходил: раз за разом, год за годом. Именно за этим, а не за жалкими грошами, которые он выручал за «сувениры» подобранные в покинутых домах. А сувениров с каждым годом становилось всё меньше и меньше, и искать их было всё сложнее и сложнее.

Но этот поход должен был быть другим. Совсем другим. Коротким и интересным. Рэй хотел вообще обернуться за четыре дня, но, похоже, придется день накинуть сверху. Это если больше никаких задержек не случится. Удивительно, как порой меняются планы и человеческие судьбы из-за совершенно простых и непримечательных вещей. Например, из-за стакана виски и маленького кусочка бумаги.

Кусочек бумаги в бар Фиолетовый Рай принес Мартин Кроуфорд. Старик Мартин Кроуфорд по прозвищу «Кроличьи яйца». Никто не знал, как он это прозвище заслужил, а сам старый Мартин рассказывал об этом неохотно, и каждый раз совсем новую историю. Его считали чудачком, даже сумасшедшим, но тихим и безвредным. С утра до вечера погруженный в книги и пачки бумаг в библиотеках и архивах Клейтона и окрестных городов, он редко выбирался в свет. Разве что только для того, чтобы закинуть в себя пару-тройку стаканчиков дешевого кукурузного виски. Кроличьи яйца был алкоголиком настолько давно и крепко, что все, включая Рэя, удивлялись, как он еще держится на этом свете. И при этом все, опять же включая Рэя, с удовольствием угощали старика Мартина парой-тройкой стаканчиков того самого дешевого кукурузного виски, ибо собеседником и рассказчиком он был отменным, а от его историй, частью правдивых, частью фантастических, оторваться было ну просто невозможно.

В этот раз Мартин сел перед Рэем за маленький столик в темном углу Фиолетового Рая и молча положил перед собой сложенный вдвое маленький пожелтевший листок. Рэй вопросительно посмотрел на него. Кроличьи яйца многозначительно кивнул в сторону бара. Рэй, усмехнувшись, тут же поднял руку, подзывая миловидную Кэтти, и через пару минут перед стариком появился стакан с пятью унциями вожденного кукурузного напитка.

– Ну, и что это? – Рэй, дождавшись, пока Мартин одним глотком ополовинит стакан, указал на листок бумаги.

– Это, дружище Рэй, – старик, хитро прищурившись, наклонился к Рэю, – дело всей твоей жизни.

– Да неужели? – Рэй скептически поднял бровь.

– Правда-правда, – быстро зашептал Кроличьи яйца. – Ты знаешь Грей Рокс?

– Кто ж не знает Грей Рокс, – усмехнулся Рэй. – Два дня пути, почти в центре Пустошей. В десяти милях к северо-западу от места Фейерверка. Там мало что осталось, если честно.

– Ты там был?

– Конечно.

– Знаешь здание Норд Титаник Банка? – еще тише прошептал Мартин и приложился в очередной раз к стакану.

– Да нет там почти никакого здания, – Рэй пожал плечами и жестом попросил Кэтти повторить виски и себе, и собеседнику. – Так, пара уцелевших стен и куча камней.

– Вот именно, – усмехнулся Мартин, – куча камней. А под камнями подвал. Ты знал?

– Не знал, – покачал головой Рэй. – Слушай, Кроличьи яйца, я понимаю, куда ты klo-нишь, но сразу скажу, что это ни о чем. Грей Рокс место исхоженное вдоль и поперек. И мной, и до меня, и многими другими после меня. Там даже сувениров не осталось, а уж что-то серьез-

ное искать... Брось ты это дело. Несерьезно. Что бы у тебя там, на бумажке, ни было написано, фигня всё это.

– Ну, как знаешь, – Мартин кивком поблагодарил Кэтти за поставленный перед ним стакан. – Так, говоришь, в подвале ты не был? А кто-то был?

– Не знаю, – пожал плечами Рэй.

– Вот именно! – Кроличьи яйца торжествующе поднял указательный палец вверх, а потом сделал очередной глоток и постучал обветрившимся пальцем по бумажке. – Тогда не спеши вот это отбрасывать.

– Ну, и что там у тебя? – Рэй взглянул на него скучающе, ибо дело явно шло к истории о кладе, а таких историй про якобы существующие на Пустошах клады он за эти годы наслушался немало и, естественно, приобрел к ним некий скептический иммунитет.

– Накладная! – торжественно объявил Мартин.

– Накладная? – с утрированным интересом протянул Рэй, всем своим видом демонстрируя скуку. – Да неужели? С ума сойти, какая редкость!

– Подожди, Рэй, подожди, – старик поднял ладонь вверх, – не спеши делать выводы. Это накладная Норд Титаник Банка.

– И?

– Я выкопал, что перед войной, когда жарко стало, руководство Норд Титаник приказало собрать со всех отделений на северо-западе золото и золотые монеты и перевести их в Нью Эвалон, в хранилище.

– Ну? – чуть более заинтересованно взглянул на него Рэй.

– Ну, вот, было организовано несколько центров для консолидации всех этих запасов в отделениях Норд Титаник в более-менее крупных городах. И одно из таких отделений было здесь, в Клейтоне. Но золота после Фейерверка здесь не оказалось. Я все архивы излазил за последние два года.

– Ну, понятно, что вывезли, когда революционные войска приблизились, – пожал плечами Рэй.

– Ага, понятно, а куда? – Мартин хитро улыбнулся, смотря на Рэя поверх стакана.

– Откуда мне знать? В Нью Эвалон, очевидно.

– Вот! – старик торжествующе поднял указательный палец. – И все так думают, включая руководство Норд Титаника. А вот это перед тобой лежит инкассаторская накладная на перемещение всего золота, пятьсот семьдесят фунтов, между прочим, из отделения в Клейтоне в отделение в Грей Рокс. За три дня до Фейерверка.

– И что? – спросил, помолчав, Рэй. – За три дня наверняка вывезли куда-то еще. До Нью Эвалона близко, несколько часов на грузовике. Почему ты считаешь, что золото должно было остаться в Грей Рокс, а не уехать в хранилище?

– Кто знает, Рэй? – Кроличьи яйца снова хитро улыбнулся и допил второй стакан. – Может, вывезли, а может, не успели, и оно до сих пор там где-то в подвале лежит. Документов на дальнейшую перевозку нет. Конечно, бумажки могли и сгинуть в Грей Роксе, но никаких упоминаний в архивах о дальнейшей перевозке нет. Никаких. Я почти год искал.

– И зачем ты мне это рассказываешь? – Рэй взглянул старику в глаза. – Хочешь, чтобы я проверил?

– Именно, Рэй, – кивнул Мартин. – Я тебя знаю много лет. Ты умный, осторожный и честный. Ты сможешь разведать, есть ли что за этим, не привлекая внимания. И не забудешь старого пьяницу Мартина, если что-то всё-таки найдешь. Мне немного осталось, Рэй, увы, очень немного. Но как-то хотелось бы это время провести с комфортом. Ну, что, по рукам?

План, в итоге, был очень простым. Рэй должен дойти до Грей Рокса и попытаться забраться в подвал Норд Титаник Банка. Если золота там нет, ну, что ж, се ля ви, как говорят

галлийцы за океаном. Ну, а если золото всё-таки там, то Рэй возвращается, и они приходят снова вместе с Мартином и с еще одним надежным другом Мартина – Тадеушом Косинским. Два дня туда, два дня обратно на разведку. Простое путешествие. Ну, теперь приходилось немного задержаться, ибо не заладилось в этот раз всё с самого начала. Хотя, днем больше, днем меньше – на Пустошах это не имело значения. Обычное дело.

Пока Рэй ставил палатку и рубил обуглившиеся ветки, уже стемнело. Рэй разжег костер и полез внутрь палатки. Во входном отсеке аккуратно смахнул с одежды и с противогоза фиолетовую и черную пыль, тщательно обтерся вымоченным в спирту полотенцем. Наконец, позволил себе откинуть полог и проскользнуть внутрь, в спальный отсек, тщательно застегнув застёжки на ткани полога.

С удовольствием снял противогоз и кинул его в сторону. Отстегнул и снял перчатки, снял куртку, оставшись в шерстяном свитере. При свете тусклой керосиновой лампы наломал макароны, насыпал их в кастрюлю. Туда же отправил содержимое открытой им консервной банки – говяжью тушенку. Залил всё водой из фляжки и завинтил крышку кастрюли, проверив заодно, работает ли клапан выпуска пара.

По-хорошему, конечно, не стоило бросать макароны в холодную воду, но суровые времена требуют суровых решений. При всей любви Рэя к готовке жизнь ему была дороже. Открывать кастрюлю снаружи, чтобы положить во вскипевшую воду макароны, точно не стоило.

Вздыхнув, он снова натянул противогоз, тщательно проверив, что он плотно прилегает к коже. Надел перчатки, затянул ремешки на манжетах. Подхватил кастрюлю и, снова расстегнув полог, выполз во входной отсек палатки, а оттуда наружу. Разложив жестяную подставку для кастрюли, ржавую и закопченную, и закрепив ее над огнем, Рэй поставил на нее кастрюлю и сел рядом с костром ждать, пока вода закипит, о чем его должен был известить свист пара, выходящего из выпускного клапана. А там десять минут, и ужин готов.

Чему учат Пустоши, так это постоянно быть настороже. Кажется, что вокруг никого и ничего: камни, сухая трава и чахлые кустарники. Но это впечатление обманчиво, и тот, кто отваживается по Пустошам ходить, узнает это очень быстро. И учится постоянно быть настороже. Ну, или погибает, это как повезет.

Магия, превратившая этот красивый горный край в безжизненную пустыню, не могла не отразиться и на его обитателях. Большая их часть погибла или сразу, или в течение нескольких дней. Кто жил подальше от Фейерверка и успел сбежать, протянул еще немного: кто неделю, кто пару лет. Но так же, как магия не убила все растения, оставив в живых, но изменив до неузнаваемости, пару видов трав и кустарников, точно так же она поступила и с животными.

Малочисленные популяции, пугливые и агрессивные, боролись между собой за выживание (а именно, за еду) в суровом мире Пустошей невидимо, но постоянно и жестоко. Люди же, редкие посетители Пустошей, были для большинства из них желаемым и, иногда, легкодоступным лакомством. Об этом знали, и именно поэтому Граница так тщательно охранялась. Задачей стражников было не пустить на верную смерть людей глупых и неподготовленных, которые, в порыве романтизма, вызванного многочисленными газетными статьями охочих до сенсаций журналистов, лезли на Пустоши буквально косяками.

Встречались здесь и одичавшие собаки с огромными клыками, и мерзкие безволосые плотоядные крысы, опять же с клыками, хотя и поменьше, и кровососущие ящерицы-прыгуны, и гремучие змеи, почти обычные, только фиолетового цвета и ну очень агрессивные, и крысобежки, тупые, но чрезвычайно активные, и хитрые лисы, заманивающие глупцов в ловушки сладкими гипнотическими фантазиями... Да много кого встречалось, всех не перечислить. Не говоря уже о своих же коллегах-людях, некоторые из которых, порой, совсем не гнушались убить и обобрать возвращающегося с сувенирами рейнджера. В общем, если присмотреться,

Пустоши были местом весьма насыщенным и страшным, а посему здесь требовалось постоянно быть настороже.

Рэй, за столько лет путешествий по Пустошам, научился этому прекрасно. К тому же и слух, и интуицию развил настолько, что мог сравниться с теми же безволосыми крысами. А потому, лишь только послышались ему звуки тихих осторожных шагов где-то в стороне у костра, еще далеко, лежавший рядом винчестер мгновенно оказался у Рэя в руках, а патрон в патроннике. Рэй замер, напряженно вслушиваясь в темноту. Шаги приближались.

Много кто водился на Пустошах. Существа мерзкие, злобные, агрессивные и опасные. Существа, вызывающие отвращение и желающие сожрать всё на своем пути. Вот только призраков здесь никогда не водилось, несмотря на то, что когда-то здесь погибли многие тысячи людей. Нет, конечно, истории разные рассказывали, особенно для молодых – грех не попугать желторотика. Но Рэй на Пустошах был много лет, а потому знал, что историям этим цена фунт навоза за десяток. Никаких призраков он никогда не встречал. До сегодняшнего вечера.

Когда он появился в свете костра, Рэй натурально чуть не наделал в штаны. Взрослый опытный рейнджер, прошедший десятки мелких и крупных сражений на Пустошах, он едва подавил стыдный позыв. Оно, впрочем, было и понятно – ну, никак не ожидаешь встретить здесь такое.

По другую сторону костра от Рэя стоял мальчик. Мальчик, как мальчик. Лет двенадцать-тринадцать, короткие волосы соломенного цвета, голубые глаза такого яркого цвета, что он был хорошо различим даже в неровном пламени маленького костерка. Ничего необычного в нем, в принципе, не было. Вот только одет он был в светлые хлопковые штаны. И всё. Он был босиком, верхняя часть тела была обнажена. Всё бы хорошо, но Рэй знал, что без плотного защитного костюма, без противогаза, без ботинок на толстой подошве, мальчик должен был погибнуть минут через пять после пересечения Границы, и уж точно не должен был стоять так здесь, посреди Пустошей. Но, тем не менее, стоял.

Он стоял, смотрел на Рэя и улыбался. Свет как-то странно обтекал его, освещая его контур и создавая слегка светящийся ореол. Воздух вокруг него колебался, и от него колебалось пламя костра. Рэй никогда не был суеверным человеком, но сейчас ощутил явное желание скрестить руки на груди в защитном жесте или даже перекреститься.

– Здравствуйте, – просто сказал мальчик, – извините, я не хотел вам мешать, и не хотел пугать. Меня зовут Лэнс. Вы позволите присесть у костра?

– Эээ... Хм... Ооо... – Рэй почувствовал, что с трудом вспоминает слова. Вода в кастрюле, тем временем, закипела, и пар запел, вырываясь из клапана.

– Простите? У вас, кажется, что-то кипит.

– Да, – нашел, наконец, свой голос Рэй, – спасибо. Да-да, конечно, садись. Я Рэй. Рэй О'Коннор. Я здесь это... Путешествую. А ты?

– Здравствуйте, мистер О'Коннор, – Лэнс улыбнулся. – Вы позволите вам помочь с кастрюлей?

Пока Рэй находил, что ответить, мальчик протянул руку и голыми ладонями ухватил раскаленную кастрюлю. Рэй дернулся его остановить, но замер. Было не похоже, что Лэнсу горячий металл причинял хоть какие-то неприятности. Мальчик снял кастрюлю с огня, спокойно поставил ее рядом с костром и снова посмотрел на Рэя с доброй, слегка наивной улыбкой.

– Т-ты кто? – выдавил из себя Рэй, всё ещё держа ружье.

– Простите, мистер О'Коннор, – смутился мальчик, – я понимаю, что мое появление было для вас неожиданным. Позвольте еще раз представиться – я Лэнс Вальдред, младший сын лорда Брэндона Вальдреда. Я здесь...

– Простите, ваше могущество! – Рэй, перебив мальчика, отбросил ружье и, вскочив, склонился в глубоком поклоне.

– Что вы, мистер О’Коннор! – Лэнс тоже вскочил и всплеснул руками. – Пожалуйста, садьте. Могущество – это мой отец. Я всего лишь «ваше умение», но прошу вас, мистер О’Коннор, зовите меня просто Лэнс.

– Как прикажете, ваше умение, – Рэй поклонился и, преодолевая страх, сел. – То есть, Лэнс. Прости. Ты можешь меня звать просто Рэй.

– Хорошо, Рэй, – улыбнулся мальчик.

– Прости мне мое любопытство, Лэнс, но что ты делаешь посреди Пустошей, да еще и ночью?

– Ну, это очередное испытание, – Лэнс пожал плечами. – Я должен доказать свои способности, пройдя через Пустоши и вернувшись обратно.

– А это не опасно? Без снаряжения. Как ты дышишь вообще здесь? Здесь же всё отравлено.

– Как бы объяснить? – мальчик задумался. – Ты чувствуешь дуновение ветра от меня?

– Да.

– Ну, вот, я беру воздух высоко вверх, где он чистый, опускаю его вниз и дышу им. Он же, этот поток, отгоняет от меня вредный воздух Пустошей и ядовитую пыль. Всё, на самом деле, просто, если умеешь.

Рэй только молча покачал головой. С магией он сталкивался часто, но всё больше с ее последствиями – взять хоть те же Пустоши. А вот живого мага, лорда, видел впервые. Возможности, конечно, впечатляли, и это только мальчик, к тому же он сказал, что это просто для него. Что же тогда умеет сам лорд Брэндон?

– Мистер О’Коннор? То есть, Рэй, – обратился к нему Лэнс. – Мне кажется, что твой ужин остывает. Я думаю, мы вполне могли бы продолжить наш разговор внутри твоей палатки. Я чувствую себя неловко от того, что испугал тебя, и будет еще более неловко оставить тебя без еды.

– Ты давно ходишь по Пустошам, Рэй? – мальчик с интересом оглядывался внутри палатки, пока Рэй ел макароны с тушенкой. Лэнс от еды наотрез отказался, объяснив это запретом есть во время испытания.

– Много лет, – Рэй пожал плечами.

– А зачем? – голубые глаза смотрели прямо в глаза, в мозг, в душу Рэя.

– Чтобы жить, – снова пожал плечами Рэй. – Чтобы кормить семью, детей.

– Я не об этом. Зачем люди ходят на Пустоши? Что они здесь делают? Здесь же всё мертвое. Здесь одни черные камни и развалины.

– Ты был здесь раньше, Лэнс? – спросил в ответ Рэй.

– Нет. Первый раз здесь.

– Понимаешь, Лэнс, – Рэй поскреб ложкой внутри кастрюли, вылавливая остатки макарон, – здесь есть предметы, которые раньше были обычными, но после Фейерверка изменились. И есть люди, которые готовы платить за такие предметы деньги.

– Фейерверка?

– Так мы называем то событие, в результате которого появились Пустоши, – Рэй старался осторожно подбирать слова. Кто его знает, что может обидеть юного лорда. Всё-таки речь идет о его семье.

– А, ну, да, – Лэнс улыбнулся. – Забавное название, я его уже слышал, но давно. А что за предметы? Чем они интересны?

– Разные, – Рэй отставил кастрюлю в сторону. – Обычные столовые приборы, металлические инструменты, домашняя утварь, много всего. Некоторые из них просто изменили цвет, порой очень красиво. Другие приобрели какие-то дополнительные свойства. Ножи, которые никогда не тупятся и не ржавеют. Бумага, которая горит много часов. Подковы, из кото-

рых можно получать электричества больше, чем из лучших аккумуляторов. Ткани, которые сами очищаются. Ну, и есть много такого, что изменилось, но как именно – этого понять сразу нельзя. Иногда такие изменения оказываются очень опасными. Но люди готовы платить, и мы им это приносим. Не ахти какой доход, но на скромную еду хватает. Сразу после Фейерверка, двадцать лет назад, говорят, было интереснее – можно было найти и золото, и украшения, и деньги, и всякие другие ценности. Но это быстро разобрали, и я уже ничего такого не застал. Говорят, что на золото, серебро и драгоценные камни магия не воздействовала...

– Скорее всего, так и есть, – подтвердил Лэнс. – Я понимаю. Если честно, я восхищаюсь вами, теми, которые ходят на Пустоши. Столько опасностей! Столько приключений!

– Мы называем себя рейнджерами. А что до приключений, так по мне лучше бы их и не было. На самом деле лучший поход – это когда ты возвращаешься с добычей, но совсем без приключений. Чем скучнее, тем лучше, поверь мне.

– Ну, наверное, да... – с явным сомнением протянул Лэнс.

– Лэнс... – Рэй, колеблясь, прикусил губу.

– Да, Рэй?

– Слушай, – Рэй всё ещё не был уверен, стоит ли спрашивать, – я первый раз встречаю кого-то из лордов, и, наверное, больше никогда не встречу. Но меня всегда терзал вопрос, на который ответить может только кто-то из вас...

– Спрашивай, Рэй, – мальчик улыбнулся. – Не бойся, я вижу, что ты хочешь задать мне вопрос, но боишься, что он меня обидит. Постараюсь не обижаться. Спрашивай прямо.

– Спасибо, – кивнул Рэй. – Скажи, Лэнс, вот это всё... Это было действительно необходимо?

– Что именно? – не понял Лэнс.

– Ну, Фейерверк, Пустоши, гибель столько людей... Без этого никак нельзя было тогда обойтись?

– Хороший вопрос... – Лэнс замолчал, задумавшись. – Скажи, Рэй, а как эту историю рассказывают у вас? Мне, правда, интересно. Хочу сравнить.

– Да просто рассказывают... – Рэй опять поколебался. – Люди подняли восстание против лорда Винсента, собрали большую армию – бронемашин, пулеметы, танки, пошли на Нью Эвалон, чтобы, хм, сбросить власть лордов. Поначалу им всё удавалось. Даже захватили жену лорда и его младших детей здесь неподалеку. И... Кажется... Очень нехорошо поступили с его женой и дочерьми. Лорд Винсент разозлился и уничтожил всю армию на месте, а заодно и всё живое в радиусе двадцати с лишним миль. Как-то так... Было именно так, Лэнс?

– Почти, – Лэнс прищурил один глаз и усмехнулся. – Интересная версия, почти правдивая. Я ожидал чего-то более жесткого, о лордах-мучителях и о чем-то таком. Но я понимаю, что ты старался смягчить формулировки и общую картину. Понимаешь, Рэй, для того, чтобы ответить на твой вопрос, нужно сначала рассказать о том, как оно всё было на самом деле. Ты не против?

– Конечно, Лэнс, – энергично закивал Рэй. – Когда еще представится такой случай.

– Хорошо, – начал рассказывать Лэнс. – В течение прошлого века человеческий прогресс сделал огромный скачок вперед. Появились пароходы, паровозы, автомобили, электричество, телеграф, радио и, самое главное, пулеметы. То, что раньше было чудесной и неповторимой магией лордов – самодвижущиеся повозки, разговоры на расстоянии, убийства молниями – вдруг стало доступно людям. Ну, не всем, конечно, но какой-то части. И со временем люди стали задумываться: а зачем подчиняться и поклоняться лордам, если мы умеем то же самое, что они? Пусть у них магия, но у нас есть механизмы, результат работы которых ничуть не хуже. Эти разговоры продолжались долгое время, почти полвека. Недовольство росло постепенно, но потом всё накопилось, и нашлись люди, которые смогли это недовольство сконцентрировать и превратить в конкретные действия.

– Забытые вожди.

– Забытые вожди, – согласился Лэнс. – Их было трое, но их имена мы называть не будем. Было бы неправильно мне самому нарушать запрет, установленный моим же отцом. Они смогли объединить людей, тайно вооружить их и повести их на Нью Эвалон. У лордов есть защитные барьеры – люди противопоставили им бронемашину и танки. Лорды умеют пускать огонь и молнии – у людей были пулеметы, ружья и артиллерия. Лорды умели общаться на расстоянии друг с другом – у людей был радиотелеграф. И это сработало.

– Сработало? – удивился Рэй.

– Поначалу сработало. Революционная армия, собравшись у границы Великих озер, увеличивалась и увеличивалась по мере продвижения к Нью Эвалону. В итоге она составила больше тридцати тысяч хорошо вооруженных человек. Лорд Винсент не сидел, сложа руки. Он послал против повстанцев несколько отрядов, больших отрядов – частично из аниматоров, но и стражников-людей там тоже хватало. Все они были мгновенно разгромлены, а революционная армия продолжала неотвратно двигаться к Нью Эвалону, и уже перешла горы. И вот тут, они попали сюда, в долину между Фарадеем и Грей Роксом. И здесь им, как они считали, несказанно повезло.

– Они захватили жену и детей лорда Винсента, – догадался Рэй.

– Правильно, – кивнул мальчик. – Почти правильно. Они захватили одну из наложниц моего деда, жен лорды не берут, самую любимую, от которой родились все его дети, кроме моего отца. И, собственно, ее детей – двух старших девочек и младшего мальчика. Это было не так далеко отсюда, в горах на вилле Филомела.

– Красивое название, – перебил Рэй. – Что оно означает?

– Соловей. Итак, мятежники захватили близких лорда Винсента. Вопреки тому, что ты рассказал, ничего плохого они им не сделали. Не посмели, испугались, ну, или просто были достаточно уважительными по отношению к женщинам. Но они выставили лорду ультиматум: сложить оружие, убраться из страны, передать власть Революционному комитету. Говорили, что хотят решить дело миром, приглашали лорда Винсента на переговоры.

– А он?

– На следующее чудесное майское утро, когда развеялся утренний туман, повстанцы увидели на скале рядом с лагерем две фигуры. Сначала они ничего не поняли, но когда лорд Винсент поднял руки и начал выкрикивать заклинание, все сразу всё осознали. Застрочили пулеметы, полетели пули. Мой отец, лорд Брэндон, ему тогда было чуть больше двадцати, стоял рядом с моим дедом и закрывал его от пуль магическим щитом. Правда, делать это потребовалось недолго. Через несколько мгновений весь порох в лагере мятежников взорвался. Взорвались все патроны, все пулеметные ленты, все снаряды. Пули и осколки металла летели во все стороны. Ружья и пулеметы разлетались на куски. Начался хаос. Затем взорвались бензобаки всех машин и танков, взорвались запасы динамита. В принципе, этого, наверное, было бы достаточно для полного разгрома мятежников, но этого было недостаточно для лорда Винсента. И именно тогда он наложил заклинание, которое вызвало то, что вы называете Фейерверком. Потoki огня ударили с неба, уничтожая всё живое и неживое в радиусе тринадцати миль. Революционная армия была полностью сожжена, все тридцать с лишним тысяч человек погибли в жутких мучениях, даже пепла не осталось. Вместе с ней погибли и младшие дети лорда, и его наложница, и жители всех окрестных городов. А последствием этого стали эти Пустоши.

– Это ужасно... – выдохнул Рэй.

– Я согласен с тобой, Рэй, – грустно и совсем по-взрослому кивнул мальчик. – Теперь я готов ответить на твой вопрос. Было ли это необходимым? Мой дед сделал это не ради спасения любимой и детей и не из мести за насилие над ними, насилия не было. Люди придумали эту версию, чтобы романтически оправдать действия моего деда и уложить их в своем разуме. Потому

что представить, что лорд может убить так жестоко столько людей просто потому, что кто-то бросил ему вызов, люди были просто не в состоянии. А суть именно в этом, Рэй. Люди бросили лорду вызов. Люди усомнились во власти лорда. Люди возгордились и возомнили себя равными лорду. И именно поэтому лорд должен был их наказать. Наказать так жестоко, чтобы надолго исключить возможность повторения. Наказать так, чтобы люди помнили многие десятилетия. Наказать так, чтобы никто не смог поставить под сомнение могущество лордов и их право править людьми ныне и во веки веков. И именно ради этого лорд Винсент принес в жертву и те тысячи людей, и собственных детей и, в конечном итоге, самого себя. Это заклинание надорвало его – он умер через две недели, но умер непобежденным. Потом Пустоши стали быстро расплзаться, ветер разносил магическую пыль, и она заражала окрестности. Тогда мой отец, к тому времени уже ставший лордом Нью Эвалона, построил Границу. Ответ на твой вопрос, Рэй: да, это было необходимо, именно так и именно тогда. Но людям этого не понять и не осознать этой необходимости, хотя сам урок они запомнили. И если честно, Рэй, даже меня иногда ложут сомнения, когда я думаю об этом. И я не уверен, что поступил бы так же, как мой дед. Но я понимаю, почему он так поступил.

– Спасибо, Лэнс, – Рэй был потрясен рассказом. – Спасибо тебе за такой подробный ответ на мой вопрос, и за рассказ. Мне есть о чем подумать.

– Ложись спать, Рэй, – несмело улыбнулся Лэнс. – Уже поздно.

– А ты?

– Я не должен спать во время испытания, – пожал плечами мальчик. – Я посижу на улице, а с рассветом продолжу путь.

– Куда ты, кстати, идешь? – поинтересовался рейнджер. – Если не секрет, конечно.

– Не секрет. Я иду в горы к той самой вилле «Филомела», где жили со своей матерью младшие дети лорда Винсента. А потом обратно в Клейтон.

– Вилла в горах? – задумался Рэй. – Похоже, я знаю, о чем ты. И как ты туда планируешь пойти?

– Напрямую. Через горы. Буду карабкаться.

– А зачем карабкаться-то? – удивился Рэй. – Пойдем со мной до Фарадея по дороге. А от Фарадея в горы дорога ведет. Она, конечно, заросла травой, но всё равно идти удобнее, чем напрямик. А с нее наверняка и ответвление прямо к вилле найдется. Чуть больше расстояние в итоге получится, но сил и времени потратишь меньше. Пойдем вместе?

– Ну, не знаю... – засомневался Лэнс.

– Вдвоем веселее, – улыбнулся Рэй. – Да и потом, может, и я тебе что интересное про Пустоши расскажу. Всё-таки практический опыт – его ничем не заменишь.

– Ну, что ж, давай, – улыбнулся в ответ Лэнс. – Пойдем тогда вместе до Фарадея.

– Ну, и отлично!

– Спокойной ночи, Рэй! – Лэнс расстегнул полог у входа в палатку и вылез наружу.

– Спокойной ночи, Лэнс! – крикнул Рэй, застегивая полог за ним.

Новый день обычно приносит людям что-то новое. Новую погоду, новые тревоги, новые проблемы, новые впечатления или новые радости. В любом случае, какие-то изменения. Но не на Пустошах.

На Пустошах дни сменялись днями, а всё оставалось по-прежнему. Черные камни, желтая трава, фиолетовые кусты, мелкая вездесущая и всепроникающая фиолетовая пыль, тишина, вечно безоблачное небо с блистающим солнцем, медленно ползущим по нему. И безысходность.

Сколько здесь дней провел Рэй за свою жизнь? Сколько дней под этим белым солнцем, под этим синим небом и на этих черных камнях? Но сегодня всё было по-другому. Мальчик, Лэнс, казалось, оживил своим присутствием это мертвое место, и дал ему надежду когда-

нибудь снова пробудиться. Сердце Рэя наполнялось теплом и надеждой: он знал, был уверен, что всё у него получится, день будет прекрасным, а впереди, в Грей Роксе, его ждет желанный клад. Солнце светило нежнее, небо голубело веселее, и даже черные камни, казалось, выглядели более торжественно в это утро.

В полвосьмого палатка была собрана, и Рэй, закинув тяжелый рюкзак на спину, энергично зашагал по остаткам двести шестой дороги на север – к развалинам Фарадея. Мальчик шел рядом, не отставая, с улыбкой осматривая окрестности. Настроение у Рэя было лучше некуда, он даже что-то напевал – что именно, через противогаз разобрать было нельзя.

– Ты говорил, что у тебя есть дети, Рэй? – Лэнс, забежав чуть вперед, обернулся к спутнику.

– Да, – кивнул Рэй, – Две дочки. Одной десять, второй шесть. Стелла и Маргарет.

– Кем хочешь, чтобы они стали? В какой университет пойдут? В Престон?

– Какой университет, что ты... – Рэй отмахнулся. – На школу бы денег хватило. А потом, если повезет, в бар официантками, иначе придется на фабрику, а там совсем не сахар. Хотя...

– Что?

– Старшая рисует неплохо. Может, получится из нее что-то. Подрастет, поедет в Нью Эвалон. Может, примут ее в художественную школу при Галерее Морриган. Знаешь, честно говоря, давно бы это уже всё бросил...

– Что именно?

– Ну, это, – Рэй обвел рукой окружающий пейзаж, – пустоши, походы, сувениры. Здесь только здоровье губить, а с каждым годом становится всё сложнее. Но держусь пока только ради дочек. Впрочем, и идти-то мне, в общем-то, некуда. Когда-то неплохим плотником был, но давно уже забросил это дело, как на Пустоши ходить начал.

– Надеюсь, у твоих дочек всё будет хорошо, – мальчик улыбнулся. – Да и у тебя тоже. Мне кажется, что ты хороший человек, Рэй. Я тебя совсем не знаю, но ты кажешься мне хорошим человеком.

До Фарадея дошли часа за два. Лэнс изумленно и настороженно осматривался, когда они шли по длинной Главной улице. В момент Фейерверка в городке жило чуть больше четырех тысяч человек. Почти все погибли, спастись удалось немногим, да и те недолго прожили, по большей части. От деревянных домишек, когда-то выстроившихся вдоль Главной и по бокам примыкающих улочек, не осталось почти ничего. Тонкие деревянные стены сгорели в момент, а кирпичные каминные трубы по прошествии лет обрушились и лишь кое-где торчали над кустами мрачным опаленным упреком.

Рэй знал, что здесь искать было нечего. Кое-какие частично сохранившиеся кирпичные дома стояли лишь вдоль Осенней улицы, с которой пересекалась Главная. Туда они и направлялись: там им с Лэнсом предстояло разделиться. Рэй продолжит свой путь на север, к Грей Роксу, а юный лорд свернет налево, на запад, к горам.

Дома по обе стороны Осенней улицы когда-то блистали красотой и роскошью, пусть и слегка провинциальной. Трехэтажные и четырехэтажные здания из темно-коричневого кирпича с нарядными побеленными карнизами под крышами. Большие стеклянные витрины, залитые светом газовых и электрических фонарей. Магазины, наполненные одеждой, сладостями, сырами, винами, игрушками, ювелирными изделиями. Рестораны и бары, кафе и музыкальные клубы, и даже вполне неплохой театр. Городок был небольшой, но у многих богатых жителей Нью Эвалона были загородные дома в окрестных горах, поэтому магазины и развлекательные заведения здесь были на высоте. Рэй бывал здесь пару раз в те времена и неизменно впечатлялся веселым энтузиазмом этого города.

Удивительно, но несколько домов здесь почти уцелели, хотя и выгорели изнутри – кто частично, а кто полностью. Остальные лежали бесформенными грудами кирпича, из которых

торчали остатки каких-то колонн и искривившихся от жара металлических балок. Всё интересное здесь давно выгребли, поэтому заглядывать в дома в поисках сувениров было бесполезно. Обратной стороной этого было то, что место, в отличие от других городков на Пустошах, считалось безопасным: здесь так часто ходили вооруженные рейнджеры, что злобная фауна старалась держаться от городка подальше. Поэтому Рэй шел легко, расслабленно и спокойно.

До тех пор, пока увесистый кирпич, вылетевший из-за полуразваленной стены осевшего здания универмага, не просвистел прямо рядом с виском Рэя.

Рэй на долю секунды замер, а потом инстинктивно бросился налево, к стене сохранившегося трехэтажного дома, в котором когда-то была парикмахерская. Лэнс стоял посреди улицы и непонимающе озирался.

– Лэнс! Сюда! Быстро! – заорал Рэй.

Мальчик побежал к нему. Несколько кирпичей ударились в стену дома над головой Рэя, и он рванулся вперед. Лэнс кинулся за ним. Они пробежали футов двести, когда из-за огромной груды кирпича на них набросилось, отчаянно вереща, какое-то непонятное существо, ростом с Лэнса, покрытое обрывками серого меха и обладавшее весьма внушительными на вид когтями, клыками и мерзкой сморщенной физиономией. Рэй сорвал с плеча винчестер и пальнул от бедра – почти добежавший до них уродец отлетел назад, шлепнулся на землю, забился и заорал от боли. Когда они с Лэнсом пробежали мимо и свернули за чудом сохранившийся угол стены, монстр уже затих.

– Что это? – мальчик был потрясен.

– Здесь в горах, к востоку отсюда, довольно далеко, – запыхавшись, рассказывал Рэй, – была то ли лаборатория, то ли частный зверинец. Там держали разных обезьян. Когда случился Фейерверк, они почти не пострадали. Но хозяева не могли их вывезти, а убивать милых обезьянок не хотели, поэтому, чертовы гуманисты, просто выпустили их на волю. А эти твари выжили и расплодились. Вот только милые обезьянки под воздействием магии твоего дедушки превратились в жутких тварей: умных, быстрых и чрезвычайно опасных. Их здесь никогда не встречали, они обычно в горах прячутся. Что-то их выгнало сюда: то ли собаки, то ли просто проголодались. Берегись!

Еще одна обезьяна, выскочив на улицу перед ними, метнула очередной кирпич. Рэй упал на землю и выстрелил. Кирпич разбился о стену, а обезьяна, оставшись без головы, подергала конечностями и рухнула на дорогу, заливая пыль вокруг багровым фонтаном.

Рэй и Лэнс выскочили обратно на Осеннюю улицу и побежали вперед, на запад. И буквально через триста футов дорогу им преградили три рослые обезьяны. Шипя и скалясь, они медленно приближались к остановившимся путникам. Краем глаза Рэй заметил, что еще четыре чудовища так же медленно выползли позади него, отрезая им с Лэнсом путь к отступлению.

Обезьяны тихо рычали, скаля клыки и пригибаясь к земле. Большой самец злобно посмотрел на Рэя, зашипел, готовясь к прыжку. Остальные явно были готовы последовать за вожаком.

Рэй спокойно пожал плечами и один за другим всадил три выстрела в трех обезьян. Вожак попытался подняться, но Рэй прикончил его последним патроном в магазине и собрался дернуть Лэнса вперед – нужно было бежать, спрятаться, перезарядить винчестер. Мысль была хорошая, но вряд ли осуществимая. Обезьяны позади уже мчались к ним, а бежали они намного быстрее рейнджера и мальчика.

И тут Лэнс в очередной раз Рэя удивил. Вытянув вперед обе руки, он залил всю улицу темно-красным огнем, вытекающим из всех его пальцев. Монстры наткнулись на стену огня, заверещали и покатались по земле, пылая и дико визжа. Визжали они, впрочем, недолго. Через пару секунд стало очень тихо. Только пахло кровью и горелым мясом.

Рэй потрясенно покачал головой, затем скинул с плеч рюкзак, расстегнул внешний карман и, достав патроны, начал перезаряжать винчестер. Лэнс, тоже явно потрясенный неожиданным происшествием, улыбнулся своей слегка наивной улыбкой и наблюдал за действиями Рэя. И тут кирпич, молнией прилетевший с другой стороны улицы, с глухим стуком саданул мальчика по затылку. Лэнс замер на мгновение, а потом кулем рухнул вперед, прямо на рюкзак Рэя.

Рэй, не вставая, всадил четыре пули в разбитое окно дома напротив, туда, где он заметил движение. Раздался визг, и тут же стих. Рэй быстро водил дулом винтовки из стороны в сторону, ожидая нового нападения, но его не последовало.

Рейнджер наклонился к Лэнсу и остолбенел. Лэнс корчился на земле, задыхаясь. Что-то было не так. Сухие травинки рядом с мальчиком не шевелились, а значит, волшебный приток воздуха к мальчику прекратился. Лэнс задыхался. Он был в сознании, но дышать не мог, кашляя и хрипя от ядовитого воздуха, ворвавшегося в его легкие. На шее и лице выступили фиолетовые прожилки. На обнаженном торсе, покрытом теперь фиолетовой пылью, начали появляться язвы и нарывы. Видимо, потеряв на секунду сознание от удара, мальчик утратил способность контролировать свою магическую защиту.

Рэй рывком развязал завязки рюкзака. Покопался, кляня ставшие вдруг такими непослушными руки, и, наконец, достал запасной противогаз. Подскочил к мальчику и натянул защитную маску на голову Лэнса. Тот, наконец, смог вдохнуть, но всё ещё не мог себя контролировать, смотря на Рэя бессмысленно. Рэй достал пропитанное спиртом полотенце, быстро обтер тело мальчика, как смог, и натянул на него запасную куртку – она была Лэнсу великовата, но что же делать на безрыбье. Повозившись, натянул также перчатки на маленькие кисти, уже изъеденные фиолетовыми нарывами. На ступни мальчика натянул свои запасные носки.

Лэнс лежал без движения, потеряв сознание, но дышал ровно – кашель отступил. Что ж, похоже, про поход к Грей Роксу придется пока забыть. Тамашнее золото, если оно, конечно, там вообще есть, подождет еще немного. Золото было почти не восприимчиво к зловонной магии Пустошей, поэтому ничего с ним не случится за пару дней. Нужно вытащить мальчика за Границу – это единственный способ его спасти. А там, глядишь, и лорд Брэндон не забудет того, кто спас его сына...

Рэй завязал рюкзак и закинул его на спину. Вложил оставшиеся патроны в магазин винчестера и передернул затвор, отправляя первый патрон в патронник. Винчестер повесил на плечо так, чтобы было можно его быстро оттуда сорвать и выстрелить. Наклонившись, поднял мальчика – он оказался очень легким, и с ним на руках пошел обратно к перекрестку Осенней и Главной, настороженно прислушиваясь и оглядываясь по сторонам.

Но всё было тихо.

К моменту, когда Рэй услышал этот приближающийся шорох, он шел уже часа полтора. Немного не дошел до места их вчерашнего ночлега. Легкое тело мальчика к тому времени, казалось, прибавило в весе вдвое – сказывалась усталость рук. Лэнс по-прежнему был без сознания, но дышал ровно и спокойно.

Услышав шорох, Рэй быстро, но аккуратно положил мальчика на дорогу и выхватил из-за плеча винчестер, прицелившись вперед. Звук, который приближался с той стороны, прямо по дороге, он идентифицировать не мог – такого на Пустошах ему раньше не встречалось, но напряженные и расшатанные сегодняшними происшествиями нервы колоколом оповещали об опасности, а опыт, приобретенный за годы, проведенные здесь, говорил: на Пустошах любая незнакомая вещь, прежде всего, таит смертельную угрозу.

Шорох усилился, приблизился. Рэй положил палец на спусковой крючок. Наконец, источник шороха стремительно появился из-за поворота. Рэй, увидев, что к нему приближается, тут же опустил дуло винчестера, а потом закинул его обратно на плечо.

Из-за поворота появились три мобиля. Большие, больше обычных автомобилей, немного старомодные, чем-то похожие на открытые кареты полувековой давности, ослепительно белые, сверкающие множеством хромированных и позолоченных деталей, они выкатились из-за поворота почти бесшумно. Оно и понятно – в движение их приводила магия, обычные двигатели на Пустошах выходили из строя минут за десять-пятнадцать. Беззвучно катясь по пыльной дороге, чуть раскачиваясь на неровностях, они лишь шелестели шинами – этот звук и слышал Рэй. Их появление могло означать только одно: их владельцы знали, что с мальчиком что-то случилось, и пришли к нему на помощь.

Рэй наклонился и поднял с земли Лэнса, протягивая его тело вперед, навстречу мобиллям. Экипажи остановились. Рэй ощутил сильное дуновение ветра, а кусты и травы вокруг дороги заколебались. Из головного мобиля выскочили четыре странно двигающиеся, немного сгорбившиеся фигуры, которые замерли по краям дороги, настороженно оглядываясь по сторонам – видимо, охранные аниматы. Из заднего экипажа вышли четыре человека с многозрядными винтовками в руках и пошли к Рэю. Еще двое, один из них водитель, остались около мобиля.

Водитель среднего мобиля, выскочив, поспешно обежал вокруг своего транспортного средства, и с поклоном открыл заднюю дверцу мобиля. Внимательно рассматривающий Рэя мужчина, вышел из мобиля и направился в его сторону. Он был высоким, лет сорока на вид. Чуть седеющие темно-русые волосы, аккуратно постриженные довольно коротко, не менее аккуратная борода. Широкое лицо, широкая фигура, не носящая, однако и тени лишнего веса. Дорогой бархатный пиджак, под которым виден расшитый жилет поверх рубашки с кружевным воротом, напоминающим жабо. Пронзительный взгляд ярко-голубых глаз, таких же, как у Лэнса.

За ним из экипажа выбрался юноша лет двадцати с красивым тонким лицом, на котором, казалось, застыла чуть ироничная улыбка. Его волосы были темными, гораздо темнее, чем у мужчины, и длинными – роскошные волосы, на самом деле. А вот глаза не оставляли сомнений в том, что он родственник и мужчины, и Лэнса. Видимо, старший брат мальчика.

Мужчина остановился футах в десяти от Рэя и внимательно рассмотрел его. Юноша замер немного позади от мужчины. Чуть в стороне, по бокам застыли охранники: их винтовки были нацелены Рэю в голову. Ощущение, прямо скажем, неуютное.

– Как он? – спокойно и даже немного холодно спросил мужчина.

– Он жив, ваше могущество, – поспешил ответить Рэй, он сразу узнал лорда Нью Эвалона Брэндона Вальдредра, сколько раз он видел его на картинах и фотографиях! – Он жив, но без сознания. На нас напали в Фарадее. Неожиданно. Я убил нападавших, но произошел несчастный случай. Простите, ваше могущество, прошу вас.

– Положи его на землю и отойди на три шага назад, – лорд смотрел на Рэя, не моргая.

Рэй поспешно выполнил указание. Лорд Брэндон опустил на одно колено, посмотрел на Лэнса, а потом осторожно снял с его головы противогаз. Положив руку на лоб мальчика, он на секунду замер, а потом, кивнув, расстегнул надетую Рэем на Лэнса куртку и осторожно ее снял.

– Можешь тоже снять маску, – не поднимая глаз, заметил лорд Брэндон. – Здесь сейчас безопасно. И ружье свое сними, только очень медленно, и кинь вон туда, на край дороги. Рюкзак тоже.

Рэй тут же выполнил указания. Странное ощущение – стоять на Пустошах без противогаза. Воздух был свежим, прохладным, наполненным каким-то странным, но приятным при-

вкусом. Впервые он на Пустошах без защиты. Все чувства, основанные на опыте, трубили об опасности, но было так тихо и спокойно вокруг. Странное ощущение.

Лорд положил одну руку на грудь мальчика, а вторую на лоб. Замер, закрыв глаза. Рэй увидел, как язвы на теле Лэнса затягиваются на глазах. Фиолетовые пятна и точки бледнели и исчезали. Бледная кожа приобретала естественный розовый цвет. Лэнс глубоко вздохнул и открыл глаза.

– Отец, – улыбнулся он.

– Здравствуй, Лэнс, – на губах лорда появилось легкая тень улыбки. – Как ты?

– Хорошо, спасибо.

– Встать можешь?

– Я попробую... – Лэнс осторожно приподнялся и медленно встал, чуть покачнувшись.

– Хорошо, – лорд Брэндон удовлетворенно кивнул, тоже поднявшись. Юноша позади него смотрел на происходящее равнодушно и слегка снисходительно.

– Ваше могущество, отец, – Лэнс, оглядевшись, увидел Рэя, – это Рэй, он помог мне. Он спас меня. Он хороший. Ты можешь ему чем-нибудь помочь? Чтобы ему больше не нужно было бы рисковать жизнью здесь на пустошах? Пожалуйста!

– Иди в мобиль, Лэнс, – лорд Брэндон обернулся к юноше позади него. – Мартин, помоги брату.

– Рэй, – лорд Брэндон посмотрел в глаза рейнджеру, когда Лэнс и Мартин сели в мобиль.

– Ваше могущество, – Рэй склонился в глубоком поклоне.

– Ты спас жизнь моему сыну. Мой сын считает, что ты заслужил за это награду.

– Как будет угодно Вашему могуществу, – Рэй снова склонился, тщательно скрывая наполнившую его радость. – Я делал это не ради награды, а потому что переживал за мальчика.

– Правда в том, Рэй, – голос лорда был абсолютно нейтрален и спокоен, а его голубые глаза цепко вглядывались в глаза Рэя, – что своим поступком ты прервал важное для моего сына испытание, а тем самым поставил его в смертельную опасность, потому что ему придется пройти испытание на Пустошах еще раз. И потом, не знаю, как Лэнс оказался в Фарадее, это сильно в стороне от его пути, но уверен, что без тебя в принятии этого решения не обошлось. Ты поставил жить лорда в опасность, Рэй. Мой сын хочет, чтобы тебе больше не пришлось рисковать жизнью на Пустошах. Что ж, он прав. Потому что твоя жизнь закончилась, Рэй.

Лорд Брэндон слегка повел рукой, и тело Рэя свело судорогой. Горло и грудь как будто перехватило раскаленным железным обручем. Рэй задергался, затрясся и захрипел, не в силах дышать. Но упасть на землю, на камни, в пыль дороги, ему тоже что-то не давало. Лорд щелкнул пальцами, и шея Рэя с хрустом переломилась, голова безвольно свесилась на сторону, глаза остекленели. Лорд Брэндон снова двинул рукой, и безжизненное тело Рэя рухнуло, обмякнув, на дорогу.

Лорд повернулся и пошел к мобиле. Охранники и аниматы бросились к своим экипажам. Мобили синхронно развернулись на узкой дороге и с тихим шелестом исчезли за поворотом. На тело Рэя, лежавшее посреди дороги, так никто и не взглянул.

Часть II. Хрустальная туфелька

Это несправедливо. Это оскорбительно. Это, в конце концов, просто обидно!

Синтия взглянула в большое, во весь рост, зеркало и гневно топнула ножкой. Едва сдержала слёзы. Она взрослая девушка, а взрослые девушки из хороших семей не плачут. Отец всегда так говорил. О, папа, если бы ты только был здесь... Всклипнула, но сдержалась. Еще не хватало расплакаться из-за этих. Было бы из-за чего...

Она бросила взгляд на стопку бумаг на столе, между арифмометром и пишущей машинкой с блестящими круглыми клавишами. От бумаг ощутимо веяло скукой. Счета, накладные, чеки, квитанции... Да проще вырастить розовый куст за ночь и перебрать три мешка гороха и чечевицы, чем разобрать всё это!

Нет, вообще-то Синтия в этом была хороша. Цифры, бумаги, документы – это был ее мир. Волшебный, полный приключений и внезапных открытий мир бухгалтерии. Но не сегодня же! В конце концов, компанию создал ее папа, он бы никогда такого не допустил. Не допустил бы, чтобы его любимая и единственная дочка сидела бы над стопкой проклятых бумажек, вместо того, чтобы отправиться на прием по случаю праздника весеннего равноденствия, Истории, устраиваемый лордом Брэндоном.

Как жаль, что папа так рано покинул нас, проклятая болезнь... Теперь, после его смерти всё управление в Маршалл Инкорпорейтед захватила жена отца, мачеха Синтии, и ее мерзкие доченьки. Теперь они управляли империей мыла, шампуней и кремов, созданной ее отцом. Империей, которая должна была принадлежать ей, Синтии Маршалл, и только ей. Ну, конечно, мачеха и ее девчонки специально тянули с бумагами до самого конца, до последней недели сдачи годового отчета! Специально принесли всё в последний момент, чтобы не дать Синтии поехать на прием. А там так красиво! Ах...

Да что теперь себя накручивать. Через два года, когда ей исполнится двадцать один, она, в соответствии с завещанием отца, вступит во владение компанией. И тогда она всем покажет. Да, покажет. Они все запомнят ее на всю жизнь. Она уже нашла хороших, цепких адвокатов, которые будут ее представлять. А пока ее задача: сохранить деньги компании, не дать мачехе и ее мерзким сучкам всё разворовать. Ха, ничего у них не выйдет – Синтия торжествующе усмехнулась. Потому что цифры, бумаги, документы – это был ее мир.

Синтия поправила очки, вздохнув, уселась на неудобный стул и, склонившись над столом, начала перебирать бумаги. Осторожный стук в дверь помешал ей.

– Да? – она раздраженно повернулась к двери.

– Мисс Синтия, – дворецкий Ричард, пожилой, с седыми бакенбардами, давний друг ее отца, всегда сочувствующий ей, вошел бесшумно, – прошу прощения за беспокойство. Приехала мисс Вивьен де Шантель. Соболаговолите ли вы ее принять?

– Конечно, Ричард, – Синтия вспорхнула со стула, расплываясь в улыбке, – проводи ее в малую гостиную. И принеси нам кофе и сладости, пожалуйста.

– Сию минуту, мисс Синтия, – дворецкий исчез, слегка поклонившись.

Синтия была рада Вивьен, она любила с ней общаться. Они встречались каждую неделю, по вторникам – Синтия брала у мисс де Шантель, мадмуазель де Шантель, уроки галлийского языка. И заодно перенимала последние веяния галлийской моды и поведения. Поведение такое, впрочем, вряд ли бы одобрили в чопорных домах обладателей «старых денег» Нью Эвалона. Но молодым девушкам и юношам, кои и являлись клиентами мадмуазель де Шантель, на мнение чопорных старых толстосумов было откровенно наплевать. По крайней мере, до той поры, пока те оплачивали их счета. Мадмуазель Вивьен была востребована и популярна, и попасть к ней было не всегда по карману даже обеспеченным ньюэвалонцам. Она крутилась

на самом верху ньюэвалонского общества и многих, очень многих знала. Поговаривали даже, обычно шепотом и предварительно оглядевшись по сторонам, что она чрезвычайно близко дружна с самим лордом Брэндоном. А потому мадмуазель де Шантель очень многое прощалось.

Синтия любила общаться с Вивьен, и потому спешила в малую гостиную на третьем этаже огромного особняка с чувством предвкушения приятной встречи. Впрочем, и с легким прикусом озадаченности и тревоги. Вивьен редко приезжала к ней домой и никогда в субботу.

– Ах, Синти, *ma chérie*! – Вивьен широко распахнула объятия, ее улыбка, казалось, занимала целую половину ее красивого и нежного лица. – Я так тебе рада! *Ça va*?

– *Ça va bien*, – Синтия расцеловала щеки Вивьен. – *Eh bien...* Если честно, так себе.

– *Pourquoi*? – Вивьен удивленно подняла брови и развела руки. – Что случилось у моей девочки? Что такое? Неужели ты влюбилась, а этот *canaille* не отвечает тебе взаимностью?

– Хуже, милая Вивьен, хуже, – Синтия села на мягкий диванчик: антикварная редкость середины прошлого века. – Я так хотела попасть на весенний прием к лорду Брэндону! А тут...

– Что же случилось, Синти? – Вивьен присела рядом и озабоченно взяла кисть Синтии обеими руками. – Прием скоро начнется, почему ты еще не там?

– Потому что, – Синтия едва не разрыдалась, глаза наполнили слезы, – потому что эти жабы не хотят, чтобы я туда ехала. Они навалили на меня гору работы, а сами поехали... А я сижу здесь, с бумажками. Разве я не заслужила, Вивьен? Почему они там, а я здесь? Чем я хуже них?

– Синти, девочка моя, *ma pauvre*, – Вивьен крепко обняла девушку, – разве же это проблема? Давай вот прямо сейчас всё исправим. Давай?

– Как исправим? – Синтия, чуть отстранившись, удивленно посмотрела на Вивьен.

– Очень просто! *Très facile*! – Вивьен, вскочила, снова широко улыбнувшись, – У меня для тебя подарок в моей машине. Давай попросим его сюда принести.

– Хорошо, – Синтия удивленно пожала плечами и позвонила в колокольчик, стоявший на столе.

– А, *mon ami* Ришар, – Вивьен подскочила к вошедшему дворецкому, непринужденным движением погладив его по щеке, Ричард слегка покраснел, – пожалуйста, принесите нам коробки, которые лежат в моей машине. Мой *chauffeur* вам поможет.

– Что это, Вивьен? – Синтия озадаченно рассматривала три коробки, обшитые белым бархатом, торжественно внесенные Ричардом: большую, поменьше и совсем маленькую.

– Это, *ma chérie*, мой тебе подарок, – Вивьен нежно обняла Синтию за плечи. – Если бы ты знала, милая Синти, как я тебя люблю! Ты моя самая любимая ученица! Смотри.

Вивьен открыла большую коробку и извлекла из нее длинное платье из полупрозрачного белого шелка. Затем из той же коробки она достала шелковую белую сорочку, такую легкую и тонкую, что, казалось, она сейчас вырвется из рук и улетит. Синтия восторженно ахнула.

– Что это, Вивьен? – Синтия нежно погладила ткань платья, которое мадмуазель де Шантель разложила на диванчике.

– Это мой подарок тебе, Синти! Сейчас ты переоденешься, я помогу тебе сделать прическу и макияж, и ты поедешь на прием к лорду Брэндону.

– Но как же? – Синтия испуганно прижала руки к груди. – А бумаги?

– Да к чертям в *l'enfer* эти бумаги, дорогая! – расхохоталась Вивьен. – Ну, сделаешь ты все дела завтра. Я тебя знаю, ты всё успеешь. А прием у лорда только сегодня, поэтому пропустить его никак нельзя. Смотри, что у меня еще есть для тебя.

Вивьен открыла самую маленькую коробочку и достала из нее сверкающую диадему из крупного жемчуга и бриллиантов.

– Ах, как хорошо она на тебе смотрится, *ma chérie*! – воскликнула Вивьен, возложив диадему на голову Синтии. – Сейчас мы тебе еще уложим волосы по последней лютецкой моде, и вообще будет замечательно!

– Неужели это тоже подарок? – удивилась Синтия. – Она же целое состояние стоит?

– Ах, Синти, мы же с тобой подруги, нам ли считать деньги между нами?! Конечно, подарок. Ты это заслужила.

– Чем же?

– Тем, что ты такая замечательная, – Вивьен погладила Синти по щеке. – Но у меня еще для тебя кое-что есть.

С этими словами Вивьен достала из последней коробки пару туфельек. Маленькие белые туфельки были так плотно усыпаны мелкими стразами, ярко переливающимися в солнечном свете, что казались сделанными целиком из хрусталя. Синтия сжала руки в восторге и закатила глаза.

– Нравится? – хитро спросила Вивьен.

– Что ты, Вивьен, конечно! – Синтия почти кричала от восторга. – Они прекрасны! Я так тебя люблю! Спасибо тебе!

– Ну, и замечательно! – Вивьен совсем не спешила выбираться из объятий Синтии. – Давай я помогу тебе снять это платье и примерить новое.

– Конечно, дорогая, спасибо тебе, – Синтия повернулась к Вивьен спиной. – Нужно расшнуровать сзади.

– Ах, Синти, какое у тебя красивое тело! – Вивьен восторженно оглядывала освободившееся от одежды тело девушки. – Настоящая юная красота! Повезет же тому мужчине, которому оно достанется!

– Ну, что ты, Вивьен, ты меня смущаешь, – чуть покраснела явно польщенная Синтия.

– Не надо смущаться, *chérie*. Грех смущаться, обладая такой красотой. Вот, возьми еще и это, – Вивьен достала из клатча маленький флакончик галлийских духов и протянула его Синтии. – И давай я помогу тебе одеться и собраться. Пора ехать.

– Как же я поеду? – вдруг обеспокоилась Синтия. – На такси?

– На прием к лорду Брэндону на такси? *Voyons!* – всплеснула руками Вивьен. – Нет, дорогая, мы вместе поедem на моем Роннс Родсе, как раз по цвету подойдет к твоему платью.

– Слушай, Вивьен, – голос Синтии раздался немного глухо из-под ткани платья, которое в этот момент надевала на нее мадмуазель де Шантель, – мне же нет необходимости уходить оттуда до полуночи?

– *Pour quelle raison?* – удивилась Вивьен.

– Ну, – замылась Синтия, – это как в сказке. Часы пробьют полночь, и всё исчезнет...

– Ахахаха! – Вивьен аж согнулась от смеха. – Ну, что ты, девочка моя, разве я могу так с тобой поступить? Только представь: тебя окружит водоворот огней и *passion*, ты будешь танцевать и забудешь о времени. И тут пробьет полночь, а ты останешься посреди бального зала совсем голая! *Quel scandale!* Ахахахаха!!! Нет, Синти, не бойся, ничего никуда не исчезнет, забудь обо всем и отдыхай! Хоть до самого утра. Ну, вот, теперь присаживайся на диван, а я что-нибудь сотворю с твоими волосами, *chérie*. И надо мне еще самой успеть переодеться.

Тридцать миль от Брейкхивена, где находился дом семьи Маршалл, до летнего дворца лорда Брэндона в Мистик Бич, рядом с Ист Хэнтоном, они преодолели за сорок минут. Еще не меньше двадцати минут им потребовалось на то, чтобы добраться от высоких кованых ворот поместья до крыльца дома – приглашенные образовали длинную очередь из дорогих автомобилей последних моделей.

Особняк лордов, известный под именем Мистик-холл, походил на средневековый замок в представлении современного архитектора: крупные серые камни стен, башни, зубчатые

украшения, напоминающие о крепостных стенах, узкие высокие готические окна. В деталях отделки, впрочем, хватало и растительных орнаментов в галлийском стиле ар-нуво, модном лет тридцать назад, когда заканчивалось строительство этого дома, и по-прежнему популярном в узких кругах ценителей. Дом окружали обширные сады, образующие причудливый и таинственный лабиринт, где хозяева дома и их гости могли, при необходимости, найти покой и уединение.

Войдя в дом, Синтия была ошеломлена ярким светом множества ламп. Сначала она решила, что они электрические, но, присмотревшись, поняла, что светильники, испускающие значительно более яркий и более белый свет, чем обычные лампы, парят в воздухе без какой-либо поддержки, а значит, они были магическими.

Громко играла музыка – струнный квартет. Высокие и статные официанты с отсутствующим взглядом бесшумно перемещались по паркету, предлагая гостям шампанское и закуски – это аниматы, поняла Синтия, вглядываясь в них. Раньше ей аниматов видеть не приходилось. От людей их не отличало почти ничего. Ничего, кроме странных глаз, отсутствующего взгляда и застывшего выражения лица. Оглядевшись, Синтия заметила у дверей и вдоль стен несколько других аниматов, одетых в темно-серые сюртуки. Эти настороженно оглядывались по сторонам, временами задерживая взгляд на ком-то из гостей. Вероятно, это были охранные аниматы, повсюду сопровождавшие лордов.

Стараясь не выглядеть неприлично, Синтия украдкой рассматривала гостей. Она была поражена красотой и богатством одежды приглашенных. Еще недавно она была полностью сражена платьем, которое на ней было теперь надето, но здесь она поняла, что ее платье было далеко не самым красивым и роскошным, хотя и вполне достойным этого мероприятия.

Ее внимание привлекла миловидная девушка в платье, составленном из шести слоев тончайшей ткани разных оттенков зеленого, наложенных друг на друга таким образом, чтобы каждый слой немного выдавался из-под предыдущего. Дополнялось это платье чудесным изумрудным ожерельем, составленным из камней таких же шести оттенков.

Неподалеку от нее прошла дама в простом серебристом прямом платье со шлейфом. Но шлейф этот был настолько замечательным, что, казалось, был живым, как рыбий хвост, и со спины дама походила на волшебную рыжеволосую русалку, плывущую по паркету бального зала, словно по волнам шумящего неподалеку Титанического океана.

Легкое розовое платье юной девушки, вокруг которой вились не менее юные кавалеры, было расшито цветами таким образом, что, казалось, на него перенесена витражная композиция из окна какого-нибудь древнего дворца. При каждом движении юной обольстительницы мозаика эта переливалась в свете магических светильников, как будто солнце играло на мозаичном стекле.

Две девушки, явно сестры, прошли по залу в дерзко-коротких, по колено, полупрозрачных золотых платьях, привлекая взгляды всех окружающих мужчин, причем не только и не столько солнечными переливами ткани платьев.

Несколько дам более почтенного возраста с бокалами шампанского в руках стояли у колонны в длинных платьях с широкими юбками, обильно украшенных бантами и вышивкой.

Длинные ниспадающие платья, кружева, вышивка, блеск ткани и страз, белые, розовые, золотистые, голубые, черные, темно-лиловые, зеленые – всех модных фасонов и оттенков – кружились и двигались вокруг Синтии и Вивьен, завораживая и увлекая их водоворотом цветов, ароматов и шума милой бессмысленной светской болтовни.

Кавалеры не отставали от своих спутниц в плане нарядности, хотя допустимых вариантов одежды у них было значительно меньше. Мужчины, в основном, носили черные строгие фраки с жилетками и рубашками. Разнообразие обеспечивалось расцветками жилетов у молодых людей и цветом галстуков-бабочек. Для джентльменов более солидного возраста единственно приемлемым вариантом был черный жилет с белой бабочкой. Молодежь же, презирая

традиции, позволяла себе практически любые сочетания, вплоть до красно-зеленого жилета в сочетании с оранжевой бабочкой.

Синтии на секунду показалось, что она заметила в глубине зала мачеху с сестрами, но постоянно движущаяся плотная толпа нарядных людей, тут же скрыла их от ее взора. Синти облегченно вздохнула: она совсем не стремилась объясняться с родственниками. Вивьен потянула ее в сторону и вручила бокал шампанского. Хрусталь весело звякнул о хрусталь, они выпили и засмеялись. Вивьен потянула было Синтию познакомиться с кем-то из своих учеников, но тут музыка изменилась, став торжественнее, и весь зал пришел в движение, освобождая место в центре – от широкой мраморной лестницы с античными статуями по бокам, до самых дверей.

Прозвонил колокол. Разговоры мгновенно утихли. Утихла и музыка.

По лестнице спускался высокий широкоплечий мужчина лет сорока с аккуратной бородкой. Он был одет, как все, в черный фрак с черным жилетом, однако бабочка у него была темно-красной, цвета свежей крови. За ним, чуть позади, спускалась красивая молодая шатенка с длинными кудрявыми волосами, одетая в прямое длинное темно-красное платье, точно такого же цвета, что и бабочка мужчины. Синтия подумала, что лично ей было бы страшно спускаться в таком платье по ступенькам, но женщина явно не разделяла ее опасений – она шла уверенно и гордо. На ее губах играла легкая, чуть торжествующая, улыбка. Рядом с ней, но на ступеньку позади, спускался необычайно красивый юноша с тонким лицом и длинными роскошными темными волосами, спадающими ему на плечи. Чуть прищулив один глаз, он осматривал зал с легкой ироничной улыбкой. Под черным фраком он носил жилетку лилового цвета, того же цвета была и бабочка на шее. Этот же лиловый цвет, правда, чуть темнее, преобладал и в коротком воздушном платье девушки, шедшей позади юноши и женщины в красном. Коротко, в каре, стриженные волосы девушки были того же цвета, что и у юноши. Черты ее лица не оставляли сомнений в том, что она была сестрой юноши в лиловом жилете. Впрочем, Синтия и так узнала эту пару.

Юного лорда Мартина, старшего сына и наследника лорда Брэндона, и его младшую сестру Морхен знали все в Нью Эвалоне. Про них любили рассказывать и вездесущие газетчики, и не менее вездесущие салонные сплетницы. Рассказывали многое: хватало и хорошего и плохого. Женщина в красном, несомненно, была Дженнифер Роуз, нынешней фавориткой лорда Брэндона. Еще один член семьи, юный лорд Лэнселот, чаще именуемый Лэнсом, единокровный брат лорда Мартина и леди Морхен по отцу, на лестнице отсутствовал. Вероятно, лорд Брэндон решил, что он еще слишком юн для нынешнего приема.

Спустившись примерно до середины лестницы, высокородная процессия остановилась. Лорд Брэндон обвел взглядом гостей, и, улыбнувшись, заговорил. Он говорил тихо, но его голос был хорошо слышен всем и каждому, как будто лорд стоял прямо рядом с каждым из них.

– Дорогие гости, – обращался к ним повелитель и господин Нью Эвалона, – благодарю вас за то, что вы посетили наш весенний прием. Солнце прошло первую четверть года. Официально объявляю зиму завершившейся, и приглашаю вас вместе с нами встретить приход весны. Темные времена прошли, друзья мои, темные дни миновали. Мы празднуем приход весны, и пусть она будет доброй для вас и принесет любовь в ваши сердца. Танцуйте, веселитесь, пейте, ешьте, и мы будем веселиться вместе с вами! А сейчас, – он помолчал, – время для первого танца этой весны!

Гости зааплодировали, широко улыбаясь. Синтии показалось, что гости участвовали в каком-то необъявленном конкурсе, в котором должен был победить тот, кто громче всех аплодировал и шире всех, пусть и немного фальшиво, улыбался. Ну, решила она, значит, так полагается, – и она тоже аплодировала и широко улыбалась.

Вновь заиграла музыка. Лорд Брэндон, взяв за руку Дженнифер Роуз, вышел с ней в центр зала. Юный лорд Мартин и леди Морхен пошли вдоль строя гостей, всматриваясь и явно ища себе пары. Морхен выбрала довольно быстро. Ее избранник, юноша во фраке необычного темно-зеленого цвета и в темно красном жилете, смущенно покраснел, но с явной радостью принял властно протянутую ему девушкой руку.

Лорд Мартин выбирал дольше. Он шел вдоль ряда гостей, осматривая претенденток. По мере его приближения девушки вспыхивали румянцем и радостными улыбками, которые тут же сменялись гримасами разочарования, когда он проходил мимо. Синтия увидела двух своих сводных сестер: стоя в первом ряду, перед ее мачехой, они вытянули спины, выпятили груди и расплылись в улыбках, когда принц приблизился к ним. Но он прошел мимо, и взгляды девушек потухли, спины ссутулились, а головы опустились вниз.

Синтия внезапно осознала, что они с Вивьен стоят в первом ряду, прямо перед пустым проходом, а юный лорд уже совсем близко. Синтия не собиралась танцевать, тем более с лордом Мартином, но ее сердце вдруг непонятно от чего сильно забилося, а дышать стало сложнее. Она почувствовала, что губы ее расплываются в улыбке, практически против ее силы.

Лорд приблизился, оставляя за собой оранжерею разочарования. Равнодушно скользнув взглядом по поклонившейся ему Вивьен, он почти незаметным кивком приветствовал ее, а потом остановил взгляд на Синтии. Мартин остановился, вгляделся в глаза девушки (ее сердце билось глухо и сильно, казалось, разрывая ее грудь), а потом просто протянул Синтии руку.

Девушка замерла. Лишь почувствовав ощутимый толчок локтя Вивьен в бок, она опомнилась и протянула дрожащую руку навстречу руке лорда. По залу прокатился легкий вздох. Его рука была немного холодной, но нежной.

Музыканты заиграли вальс. Мартин положил вторую руку на талию Синтии и нежно привлек ее к себе. Секунда – и они закружились в танце. Мир вокруг превратился в невнятную расплывчатую картину бесконечного движения огней, лиц, платьев и фраков. Она смотрела в его голубые глаза, такие глубокие, и думала только о двух вещах: какой он красивый и как бы не опозориться, споткнувшись. Она лихорадочно вспоминала всё, чему ее учили ее учителя танцев, и мечтала лишь не сбиться с ритма. Но он был прекрасным танцором, и вел ее уверенно и заботливо, поэтому она расслабилась и позволила танцу и его глазам захватить ее целиком.

Всё вокруг пришло в движение. Лишь только первые три пары закружились в вальсе, кавалеры тут же бросились приглашать юных и не очень партнерш. Не обошлось без споров, недопонимания и курьезов. Однако обошлось без агрессии – стычка на балу у лорда могла легко привести к быстрой и мучительной смерти всех ее участников. Так или иначе, скоро весь зал представлял собой бесконечный вихрь развевающихся подолов и фалд.

За одним танцем последовал второй, третий, четвертый, пятый. Партнеры менялись после каждого танца. Даже лорд Брэндон менял партнерш, приглашая на танец зрелых и важных для жизни Нью Эвалона дам: жен магнатов и советников. Морхен меняла партнеров, как перчатки, порой даже во время танца. Ей ничего не стоило, внезапно бросив своего партнера, остановить другую пару и забрать партнера у какой-нибудь остолбеневшей девушки. Естественно, никакого сопротивления и недовольства юная леди не встречала.

Партнеры менялись, и лишь лорд Мартин оставался вместе с Синтией, ни на секунду, даже между танцами, не выпуская ее горячей руки из своей по-прежнему чуть прохладной кисти. Синтия покраснела и осмелела. Она всё сильнее прижималась к его телу, такому крепкому и вызывающему в ней неясное чувство влечения, чувствовала на своем лице его теплое дыхание и всё глубже тонула в его невероятных голубых глазах.

В какой-то момент он очень точно почувствовал, что она устала танцевать. Взяв два бокала шампанского с подноса мгновенно появившегося рядом анимата, Мартин повел Син-

тию в сторону, где в галерее, образованной арками колонн были устроены небольшие тенистые альковы с диванчиками, креслами и столиками.

Вокруг гремел бал. Нарядные люди танцевали, пили, ели, флиртовали, обсуждали дела, заключали сделки, всё шумело и двигалось. И лишь в том углу, где сидели, с шампанским и закусками, Мартин и Синтия, было тихо и спокойно. Их покой охраняли два стражника, недвусмысленным намеком для веселящихся гостей замерших в некотором отдалении от молодых людей. Синтии показалось, что невдалеке мелькнула ее мачеха, настороженно скользнув по девушке взглядом, но подойти она не решилась.

А они говорили. Говорили весь вечер. О жизни в Нью Эвалоне, о новостях, об отце Синтии и об ее мачехе, об истории, о математике, о достижениях технологии, о будущем, о прошлом, о газетах, о журналах, о книгах, о радиопередачах, о еде, о напитках, о погоде и даже о фасонах платьев. Он показался ей замечательным собеседником: умным, веселым, остроумным, всесторонне образованным и чрезвычайно внимательным. А как он ее слушал! Взгляд его ни на секунду не отводился от ее глаз. Он слушал, гипнотизируя ее взглядом, и вставлял умные и веселые фразы именно тогда, когда это было нужно.

Он был заботливым и нежным. Ей хотелось пить, и тут же на столе появлялись бокалы. Ей захотелось есть, закуски тут же заполнили весь стол. Ей показалось, что стало холодно, и он снял свой фрак, безумно дорогой, она знала, и накинул его ей на плечи, нежно приобняв, отчего ее словно молния пронзила. Ей захотелось снова танцевать, и они снова закружились по залу, собирая восторженные мужские и завистливые женские взгляды. А потом они снова вернулись в свое убежище и снова разговаривали, потом снова танцевали, и снова разговаривали.

Время подходило к полуночи. Синтия рассказала о том, как она вспомнила старую сказку и о реакции Вивьен, и они весело вместе с ним посмеялись. Он рассказал о том, как в детстве хотел вырастить бобовый стебель, чтобы залезть на облака, но оказалось, что на дирижабле это сделать проще, да и облака оказались совсем не такими, как они ожидал – холодными и мокрыми. Она беззаботно смеялась в ответ, а потом пожалела, что не видела облака близко. А он в ответ пообещал ей их когда-нибудь показать.

– Сегодня замечательная луна, – чуть смущенно улыбнулся он, подняв бокал. – Там, наверху, есть открытая галерея. Пойдем, посмотрим?

– Почему бы и нет? – она расцвела в ответ, чувствуя шум в голове от опьянения. – Пойдем!

Он не повел Синтию по мраморной лестнице в центре зала, сказал, что так будет слишком много внимания. Держа ее за руку, он скользнул в незаметную дверь в тени в дальнем углу зала, и они поднялись вверх по узкой винтовой лестнице. Было темно, но Мартин взмахнул рукой, и над ними поднялся светящийся шар – такой же, какие освещали бальный зал, только чуть меньше. Синтия в восторге захлопала в ладоши.

Он провел ее несколькими полутемными коридорами, где в большие окна действительно светила яркая луна, плывущая над черными еще голыми деревьями огромного сада, а потом толкнул дверь и увлек Синтию за собой внутрь.

Здесь было темно, лишь немного света падало из небольшого окна. Мартин щелкнул пальцами, и комнату залил яркий свет. Вспыхнули свечи в больших медных подсвечниках, вспыхнули дрова в огромном камине в глубине комнаты, вспыхнули яркие электрические лампы, спрятанные где-то под высоким потолком. Синтия на секунду зажмурилась от этого неожиданно яркого света, но потом открыла глаза и осмотрелась.

Они были в большой комнате, очень большой. Слева от входа стояли несколько столов. На одном были сложены бумаги, стояли несколько чернильниц и лежали разнообразные перья: от старинных гусиных и лебединых до современных автоматических. На других столах стояли

и лежали непонятные ей приспособления, украшенные различными символами и надписями на неизвестных ей языках. По стенам были развешаны большие картины и убранные в стеклянные эстампы обрывки свитков – по виду, очень древние. Между ними стояли высокие стеллажи, уставленные книгами. В глубине комнаты располагался камин, в котором играло пламя. А в центре помещения была огромная кровать с массивными деревянными ножками и не менее массивным балдахином, покрытым лиловым бархатом.

– Ну, что стоишь? – Мартин чуть подтолкнул ее вперед, к кровати. – Давай, раздевайся и в постель.

– Как?... – Синтия остолбенела и изумленно повернулась к Мартину. Его лицо, такое доброе и заботливое несколько мгновений назад, стало твердым и грубым, глаза, такие милые и глубокие, стали холоднее льда.

– Чего ты ждешь? – Мартин равнодушно посмотрел на нее. – Давай быстрее, у нас мало времени. Скоро вынесут торт, он сегодня, вроде, вкусный, не хочу пропустить.

– Но... – Синтия беспомощно озиралась по сторонам. – Я не хочу. Не так. Не сейчас... Прости...

Она повернулась и пошла к двери. Он грубо ткнул ее рукой в грудь, заставив отскочить назад и схватиться рукой за ушибленное место. В ее глазах появились слезы.

– Не хочешь, значит? – его тонкие губы сложились в хищную усмешку. – А кто вообще тебя спрашивает, чего ты хочешь, сучка?

Он схватил ее за талию, поднял в воздух и сильным движением бросил ее спиной на кровать. У нее перехватило дыхание, она застонала. Застонали и пружины кровати. Она попыталась встать, но он снова толкнул ее назад. Синтия заслонила от него руками, отталкивая Мартина, но он навалился на нее всем телом, оказавшимся внезапно таким тяжелым.

Она закричала, пытаясь сбросить его с себя, била его руками по спине и по голове, но он, казалось, этого даже не замечал. Она почувствовала, что ткань платья и сорочки ползет вверх по ее ногам, почувствовала холод воздуха, проникшего под подол, и изо всех сил сжала ноги, чтобы не допустить самого страшного. Он вставил колено между ее ног, нажал, раздвигая ее бедра, и она, крича и пытаясь вырваться, вынуждена была поддаться. Еще несколько секунд борьбы, и что-то твердое уперлось в низ ее живота, а потом еще ниже. Он двинул бедрами, и она дико закричала, чувствуя, как что-то проникает в нее, причиняя ей невыносимую боль. Она почувствовала как горячая жидкость, кровь, течет из ее лона на ткань платья, когда-то так сверкавшего белизной.

Она расслабилась, сдавшись. Он двигался на ней, тяжело дыша, не спеша, получая удовольствие от ее покорности, а она лежала, раскинув руки и ноги, смотря вверх, на темное дерево балдахина, покрытого фиолетовым бархатом, и мечтала только о том, чтобы это побыстрее закончилось.

Но когда он начал убыстрять свои движения, что-то вспыхнуло в ней. Какая-то новая сила. Она резко рванулась, отталкивая его левой рукой, и изо всей силы вцепилась ногтями правой руки в его лицо, стремясь попасть ему в глаз. До глаза не добралась, жаль, но Мартин дико взвыл, хватаясь за лицо, а она воспользовалась этой секундой, чтобы, упершись коленом, сбросить его с себя. Мартин скатился с кровати на пол, а Синтия, вскочив, вылетела за дверь и побежала по темному коридору.

Бежать было неудобно, и к тому же она не понимала, куда ей бежать. В зал обратно? В таком виде? Это позор на всю жизнь! На счастье она увидела небольшую мраморную лестницу, ведущую вниз, побежала по ней и через минуту выскочила в темную прохладу сада. Ей повезло. Это ее шанс. Бежать. Бежать вперед. Затеряться в саду. Спрятаться, а потом как-нибудь выбраться. Неважно как, главное, что она сбежала от этого голубоглазого чудовища. Бежать. Прятаться. Выжить.

– Вивьен, – Мартин, опираясь спиной на стену спальни, заложив одну руку за спину, спокойно и холодно посмотрел на галлийку.

– Свет извечный, Мартин! – Вивьен всплеснула руками и схватилась за щеки. – Что случилось? Что произошло? У тебя кровь?

– Скажи спасибо своей протее, – Мартин усмехнулся, проведя рукой по уже начавшим затягиваться глубоким царапинам на лице. – Я ожидал, что ты лучше ее подготовишь.

– Простите меня, ваше могущество! Прошу вас, простите! – Вивьен в ужасе схватилась за голову.

– Вот я думаю, Вивьен, что с тобой сделать в наказание? – Мартин смотрел на нее с мрачной улыбкой. – Превратить в жабу? Вывернуть руки и ноги в другую сторону? Состарить тебя лет на тридцать? Ослепить? Или просто сжечь тебе волосы? Что скажешь?

– Прошу вас, ваше могущество! – Вивьен упала на колени, заломив руки в отчаянии, по лицу у нее стекали слезы. – Я сделаю всё за нее. Я исправлю то, что она сделала. Я доставлю вам огромное удовольствие! Всё, что хотите. Куда хотите. Только не наказывайте меня! Пожалуйста...

– Ладно, Вивьен, не плачь, это тебя не украшает, все тени размазались, – он довольно усмехнулся. – Ничего я тебе не сделаю, но свое ты отработаешь сегодня, не сомневайся.

– Конечно, ваше могущество! – Вивьен, радостно улыбнувшись, скинула с плеча лямку платья.

– Не сейчас, – остановил ее Мартин. – Сначала дела. Эта девка, как ее, Синтия? Оставила диадему, возьми ее потом на столе. Используй ее снова в следующий раз. И не забудь отчитаться по деньгам, которые я тебе дал на платье и туфли.

– Конечно, Мартин, – Вивьен, встав, поклонилась. – Могу ли я поинтересоваться?

– Да?

– Она тебя ударила, поцарапала... Но почему? Ты же мог просто мгновенно сломить ее волю, сделать покорной, даже заставить ее страстно желать тебя...

– А смысл? – пожал он плечами. – Какой в этом интерес? Если без сопротивления, так можно и аниматок трахать. Весь смысл в сопротивлении.

– Но в этот раз всё закончилось не так, как ты предполагал.

– Еще не закончилось, – Мартин хищно улыбнулся. – Просто одно развлечение сменилось другим.

С этими словами Мартин достал из-за спины то, что он там держал, и показал это Вивьен.

– Она оставила одну туфельку, – покачал он головой, демонстрируя блестящую, почти хрустальную, туфельку собеседнице. – Собакам этого вполне хватило. А теперь, давай, на колени и отрабатывай ошибки своей девчонки. И чтобы следующая была адекватнее. И кстати, у этой девчонки есть сестрички, она говорила. Я думаю, они должны исправить ошибки своей родственницы. Позаботься об этом.

Вивьен старалась так, как никогда до этого. Она чувствовала на губах вкус девушки и привкус крови, и старалась изо всех сил, глубоко погружая его в себя, обхватывая его губами, неистово скользя по нему языком. Мартин блаженно закрыл глаза, опираясь спиной на стену. Наконец, звук собачьего лая из приоткрытого окна усилился, наполнился торжеством, а через секунду дополнился истошными женскими криками и воем разрываемой клыками на части девушки. В этот момент наслаждение переполнило Мартина и горячо излилось в горло вздрогнувшей верной Вивьен, из глаза которой незаметно скользнула слезинка.

Часть III. Воздушный корабль

Океан, океан, бесконечный океан.

Что слева, что справа – всё одно и то же. Серые стальные медлительные волны, высокие от сильного ветра, но отсюда, сверху, как будто просто рябь на бесконечной серой блестящей стеклянной поверхности. И мы над ним. Притаились, как какие-то паразиты, во чреве гигантского кита, больше всех китов на свете. Восемьсот футов в длину, сто сорок в ширину, и кто его знает, сколько сотен футов сейчас над землей. Точнее, над водой, над океаном. Спрятались во чреве рукотворного чудовища из хлопка и алюминия, и посматриваем сквозь иллюминаторы на бескрайнюю поверхность внизу, словно мы какие-то властители мира.

Вчера, когда дирижабль «Бисмарк» проплывал сначала над бескрайними полями Готтландии, а затем над лесами, лугами и городками Галлии, было, конечно, интереснее. Поднявшись утром в воздух в Норберге, ко второй половине дня они уже достигли Лютеции. Капитан Ханс Адлер специально подвел воздушное судно поближе к ажурной башне – нынешнему символу Лютеции и предмету ожесточенных споров каких-то тридцать лет назад. Тогда она выглядела как чужеродное тело, стальной фаллос, изнасиловавший древний город. А сейчас, гляди-ка, уже стала символом и главной достопримечательностью галлийской столицы, и таким, пожалуй, останется на века, покуда не развалится в бурую ржавую пыль от времени.

А ближе к вечеру, когда заходящее солнце заставляло щуриться ослепленных рулевых в рубке, подвешенной под чревом летающего водородного монстра чуть впереди от пассажирских палуб, они оставили по правую руку древнюю родину – туманную Бриттию и милые сердцу Зеленые Острова – и, распрощавшись с сушей, вступили во владения бесконечного Титанического океана.

К утру погода немного испортилась, небо было затянуто серыми тучами. Сильные порывы ветра, порой, сотрясали огромный корпус «Бисмарка» и стремительно проносили под ним дымку низких облаков. Опасности, впрочем, эта погода не представляла, однако радости и разнообразия путешествию тоже вовсе не добавляла. За многие часы длинного летнего дня созерцание океана изрядно утомило.

Элен вздохнула и, отойдя от иллюминатора, склонившись над которым она размышляла, повернулась и прошла полтора десятка шагов и три ступеньки, отделявшие ее от барной стойки. Присев на высокий круглый стул, обитый красной кожей, она откинула назад длинные рыжие волосы и улыбнулась бармену, делая заказ. Расплывшись в ответной улыбке, тот поспешил поставить перед ней большой широкий бокал джина с тоником, в котором плавали горошинки нескольких видов перца и завитая оранжевая полоска апельсиновой цедры, прекрасно оттеняющие вкус простого по сути коктейля. Бармен свое дело знал, она уже в этом убедилась. Впрочем, как и все на этом летающем корабле.

Бар был пока еще пустой. Немногочисленные пассажиры «Бисмарка» начнут собираться здесь позже, через пару часов, когда начнет темнеть. А пока, в восемь вечера, они предпочитали отдыхать в своих каютах или беседовать на бежевых креслах невидимой отсюда библиотеки, располагавшейся по другую сторону пассажирской палубы.

Лишь молодой офицер с погонами лейтенанта сидел в конце стойки с чашкой кофе и маленькой рюмочкой бренди. Он казался полностью поглощенным своими напитками и карманной книжкой в бумажном переплете, лежавшей справа от его чашки, но Элен, конечно, заметила несколько заинтересованных взглядов, брошенных им на нее.

Забавно, – подумала девушка, – я знаю про него всё, а он не знает про меня почти ничего. И, в первую очередь, того, что я знаю про него всё.

Он снова поднял взгляд, и она поймала его своими глубокими темно-зелеными глазами. Поняв, что он раскрыт, офицер явственно смутился и даже чуть покраснел. Она же приветственно и мило улыбнулась, чуть приоткрыв ряд белых ровных зубов. Он смущенно и натянуто коротко улыбнулся в ответ, а затем залпом выпил свое бренди, и уставился в чашку с остывающим черным кофе, не решаясь снова поднять глаза.

Сдержав усмешку, она взяла со стойки бокал и, элегантно соскользнув с круглого табурета, пошла к молодому человеку, покачивая бедрами, плотно обтянутыми темно-зеленой атласной тканью длинного, глубоко декольтированного платья.

– Добрый вечер, лейтенант, – девушка, поставив бокал на стойку прямо рядом с его чашкой, аккуратно села на соседний барный табурет, чуть задев ногу мужчины своей ножкой.

– Добрый вечер, мисс, – молодой лейтенант покраснел и посмотрел на нее, как будто решая, бежать ему от нее в смущении или поддержать беседу.

– Я Элен Абигейл МакМиллан, – она решительно протянула ему руку для поцелуя. – А вы?

– Эээ... Лейтенант Джек Клифтон, военно-воздушный флот, – чуть растерявшись поначалу, он быстро собрался и аккуратно прикоснулся губами к ее руке. – Чем я могу вам помочь, мисс МакМиллан?

– Да, в общем-то ничем особенным, – Элен рассмеялась. – Разве что скрасить скуку и одиночество в этот вечерний час. Вы не возражаете, лейтенант Клифтон?

– Нисколько, мисс, – он улыбнулся и слегка поклонился, не вставая. – Моя вахта начнется в полночь, поэтому еще четыре часа у меня есть, и в это время я в полном вашем распоряжении.

– Ну, и замечательно! – она несколько раз хлопнула в ладоши, немного манерно аплодируя. – И прошу вас, лейтенант, давайте без мисс. Лучше просто Элен.

– Хорошо, Элен, – просто улыбнулся он. – И тогда давай лучше не лейтенант, а Джек.

– Отлично, Джек! – она подняла бокал. – Давай выпьем за знакомство! Бармен, повторите лейтенанту.

– Не стоит, Элен, – Джек поколебался. – Мне еще на вахту.

– Ты сам сказал, что только через четыре часа, – решительно отвергла его возражения Элен. – А это всего лишь маленькая рюмочка бренди. Бармен!

– Ты же из Нового Света, Джек? – поинтересовалась она, когда стекло звякнуло о стекло, и напитки были надлежаще отпиты. – Что ты делаешь на готтландском дирижабле? Здесь же вся команда готтландцы?

– Почти все, – согласился он. – Но я исключение. Меня направили по обмену, набираться опыта, так сказать. Да и, кроме того, основная часть наших пассажиров из Нового Света, вот компания и решила, что будет полезно иметь в команде кого-то, кто сможет хорошо объясняться с пассажирами на знакомом языке.

– И чем же ты здесь занимаешься?

– Я третий помощник капитана. Через четыре часа мне предстоит восемь часов рулить этим монстром.

– Как здорово! – она восторженно хлопнула в ладоши, широко улыбнувшись. – И это сложно?

– Ну, как сказать... – Джек задумался. – Когда умеешь, то не очень. Но вообще не так просто. Всё-таки машина в восемьсот футов длиной. Но легче чем управлять кораблем. Я раньше на флоте служил, а потом перевелся в воздухоплаватели.

– Это так увлекательно! – Элен чуть наклонилась вперед и с удовлетворением заметила, что глаза Джека невольно скользнули по ее глубоко открытой платьем груди.

– А ты, Элен? – Джек теперь смотрел в глаза Элен, не отрываясь, боясь опустить взор ниже. – Ты сопровождаешь его могущество?

– Лорда Брэндона? – она рассмеялась и залпом допила свой джин с тоником. – Я? Нет, почему ты спрашиваешь?

– Ну... – он замялся, смутившись. – Просто он и его свита выкупили почти все билеты на этот рейс. И я предположил, что ты тоже с ними...

– Нет, – Элен покачала головой и едва заметно нахмурилась, – я не с ними. Честно говоря, я даже не предполагала, что с нами полетит лорд Брэндон. Я купила билеты очень давно, так было дешевле. Хотя дешевле, как ты понимаешь, очень относительно. На пароходе было бы дешевле в четыре раза, а то и в пять, но здесь же так романтично!

– Еще как! – согласился Джек. – Я поэтому сюда и перевелся. Конкурс был триста человек на место.

– А ты молодец! – она провела рукой по его кисти и сделала знак бармену. – Ну, так вот, я возвращаюсь к родителям на летние каникулы. Я учусь в Лютецком университете. Ради этого полета я даже специально доехала от Лютеции до Норберга. И ни секунды не жалею! Быть здесь, наверху, смотреть на всё это, летать, как птицы, выше птиц!.. Это так потрясающе! Пусть даже это и стоит как четверть приличного дома или как год обучения в нашем университете. Но это того действительно стоит!

– Я тебя понимаю, – он широко улыбнулся. – Небо, оно... Особенное. Ни с чем не сравнимое. Когда стоишь там, впереди, у штурвала, и под тобой всё это проплывает, а ты движением руки можешь заставить эту махину лететь, куда тебе угодно! Это что-то невероятное. Ты как будто правитель всего мира! Как будто настоящий лорд...

Он резко осекся. Несколько секунд стояла тишина.

– Хахаха! – Элен звонко рассмеялась. – А я смотрю, ты, Джек, поэт! Какие прекрасные слова и какие прекрасные сравнения!

– Опасные... – покраснев, прошептал он.

– И от этого еще более прекрасные! Не смущайся так, я никому не расскажу, – она отпила глоток из поставленного перед ней барменом нового бокала. – Лучше скажи мне, а что, правда, почти все места на корабле выкуплены лордом Брэндонем? У него так много народу в свите?

– Ну, – Джек прикинул в уме, – у нас тут места для шестидесяти четырех пассажиров. Лорд Брэндон и его сопровождающие выкупили сорок восемь из них, включая люкс для самого лорда. Остается шестнадцать пассажиров, включая тебя.

– Сорок восемь! – удивилась Элен. – И зачем ему столько людей?

– Я слышал, что лорд Брэндон встречался с другими лордами в Норберге. С лордами Старого Света: лордами Готтландии, Лютеции, Полонии, Бриттии и прочими. Вероятно, ему были нужны всякие секретари и помощники. Плюс охрана. Ну, и эти, как их...

– Аниматы? – подсказала Элен.

– Аниматы, – Джек кивнул.

– Я боюсь их, – Элен поежилась, будто от холода, – они какие-то совсем другие. Вроде бы живые, но как мертвые. Страшные.

– Мне тоже от них не по себе, – признался он. – Самое страшное, что у них на лицах вообще никаких эмоций не отражается. И глаза не двигаются. Интересно, они вообще живые?

– Говорят, – Элен перешла на шепот, – что в аниматов превращают тех, кто чем-то обидел или оскорбил лордов. Что лорды забирают у них душу и питаются этими душами, а аниматам остается лишь пустая оболочка. И еще говорят, что лорды похищают маленьких детей, питаются их кровью для поддержки своей магии, а вместе с кровью выпивают их душу. И когда такие дети вырастают, они становятся аниматами.

– Это опасные слова, Элен, – Джек, шепча, наклонился почти к самому лицу девушки, и она почувствовала его горячее дыхание. – Не нужно их говорить незнакомым людям.

– Но ты же меня не предашь, лейтенант Джек? – прошептала Элен, нежно положив ладонь на его щеку.

– Никогда, Элен, – прошептал он в ответ и вдруг, не в силах противостоять искушению, подавшись вперед, прикоснулся губами к ее губам.

Она раскрыла губы ему навстречу, встретив его коротким, но нежным и горячим поцелуем. Это продолжалось лишь секунду, а потом он, снова смутившись, отпрянул назад. Она рассмеялась и, положив ладонь на его руку, дала тем самым понять, что ничего плохого не произошло.

Он рассмеялся в ответ.

– Ты проводишь меня, Джек? – два с половиной часа и еще три бокала джина с тоником пролетели, как мгновение.

– Конечно, Элен, – он поддержал ее, когда она пошатнулась, спустившись с высокого стула.

– Спасибо, лейтенант, – она оперлась на него, аккуратно переставляя плохо послушные ноги.

– Какая твоя каюта?

– Тринадцать.

Он уверенно повлек ее вперед, обняв за талию, а она, доверившись ему, обняла его за шею. Он почти нес ее в своих сильных руках, а она прильнула к нему.

Когда они вошли в каюту, она обняла его и горячо и долго поцеловала. Потом отстранилась, и, повернувшись к нему спиной, прошла несколько шагов вглубь маленькой каютки. Мимолетное движение руками, и зеленое платье соскользнуло с ее плеч. Роскошные рыжие локоны спадали на ее обнаженные плечи и спину, прикрытую лишь тонкой кремовой тканью короткой шелковой камисоли.

Она повернулась к нему и подошла ближе. Бретелька камисоли соскользнула с ее правого плеча, почти полностью открыв правую грудь. Над шелковой тканью показался верхний край нежно-розового соска. Джек, не зная, что ему делать, постарался отвести взгляд в сторону. Взгляд уперся в большую фотографию в рамке, стоящую на маленьком столике. Фотография изображала благообразного усатого мужчину в хорошем костюме и шляпе-котелке. Он гордо смотрел с портрета, опершись на высокую резную трость. Рядом с ним сидела симпатичная женщина, похожая на Элен, в пышном светлом старомодном платье.

– Это твои родители? – спросил Джек.

Элен посмотрела на фотографию, помолчала несколько мгновений. А потом внезапно громко и бурно разрыдалась, закрыв лицо обеими руками. Продолжая рыдать, она села на край кровати. Плечи ее вздрагивали, из-под закрывающих лицо рук слышались громкие всхлипы.

Ошеломленный Джек опустился перед ней на колени. Поколебавшись, он протянул руки и осторожно обнял ее за плечи. Она обняла его в ответ, крепко прижалась, продолжая плакать.

– Прости, – она резко отстранилась, оставив, однако, свои руки у него на плечах, – прости меня, Джек... Я не должна была. Прости, прости, пожалуйста!

– Хорошо, Элен, хорошо... – Джек погладил ее по волосам. – Не переживай, всё хорошо. Что случилось?

– Прости меня, мне так стыдно...

– Ничего страшного. Чем я могу тебе помочь?

– Ничем, Джек, прости. Уже ничем. Прости, я должна объяснить.

– Ты ничего мне не должна, Элен, – нежно улыбнулся он.

– Должна, – уверенно возразила она и посмотрела ему в глаза, – иначе ты будешь думать, что я идиотка какая-то.

– Ну, что ты, Элен...

– Послушай, – она положила теплую руку ему на губы, рука пахла лавандой и тюльпанами, – да, это мои родители. Мой отец владел большим скобяным заводом в Нью Эвалоне.

Точнее, за рекой, в Гарден Сити. Завод построил мой дед, но именно папа его развил и сделал успешным. У него был брат, младший брат, мой дядя. Его звали Роберт. Когда начались эти события, та революция... Ты понимаешь, о чем я?

Джек кивнул.

– Ну, вот, – продолжила она, – я тогда только родилась. Тогда мой дядя присоединился к восставшим. И вроде бы даже был одним из командиров их отрядов. И когда... Когда случилась эта катастрофа... То, что сейчас называется Фейерверком, мой дядя Роберт погиб. А потом пришли люди лорда Брэндона и забрали завод отца. Выкинули его, мою маму и меня из дома. Оставили почти безо всего. В отместку, хотя мой отец никогда ни в чем не был виноват. Он даже с братом поссорился из-за этого... Отец был сильным. Он пережил смерть брата. Пережил потерю завода, потерю дома. Но он не мог видеть, как мы голодаем... Как я плачу от голода.

Она всхлипнула. Джек снова погладил ее, она в ответ обняла его.

– Отец, – глухо продолжила она, снова отстранившись, – связался не с той компанией. Это было против его принципов, но его нигде не брали на работу, а мы голодали. И тогда он узнал... Группа его бывших работников, их тоже выгнали, они решили ограбить банк. Мелкий захудалый банк в каком-то маленьком городке неподалеку. Их всех убили, Джек... Всех убили на месте. Мама почти сошла с ума... Как она рыдала, ох, как она рыдала! Как кричала, как билась головой о пол, о стены. А я стояла, маленькая, испуганная, и смотрела на это молча, боясь даже заплакать, так мне было страшно. Потом она успокоилась. А потом, через несколько дней, согласилась выйти замуж за давнего конкурента отца, мистера Роджерса. Кевина Роджерса. Он ее давно любил. Она его всегда ненавидела. Но она пошла на это ради меня. Как он ее бил, когда напивался! Как он ее мучал! Она увядала, но терпела. Ради меня. У них не было своих детей. Могли бы быть, но он избил ее по пьяни, и она потеряла ребенка. А потом уже забеременеть снова не смогла. Шли годы, мы как-то уживались вместе. Ко мне мистер Роджерс относился, в общем-то, даже неплохо. Оплатил учебу, сначала в Нью Эвалоне, а потом и в Лютении. Он так себе человек, но незлой. Когда трезвый, незлой, даже великодушный. Справедливый, хотя и суровый. Вот только трезвым он бывает всё реже. Маме это дается тяжело. Очень тяжело, поэтому она рада, что я далеко. Далеко от него.

– Прости, Элен, – Джек был ошеломлен рассказом, – прости, я не знал...

– За что мне прощать тебя, милый? – Элен поцеловала его в лоб. – Это ты меня прости. Просто всё так сложилось... Я так страдала из-за тупой мести лорда Брэндона. Он разрушил мою семью. Уничтожил ее, хотя мы ему ничего не сделали. Совсем ничего. И вот он здесь, рядом, буквально за парой тонких стенок. Человек, разрушивший мою жизнь и жизнь всей моей семьи... Рядом со мной, как ни в чем не бывало. Я напилась, Джек, прости. Я напилась, и разрыдалась, когда ты спросил о родителях... Я всё вспомнила, и на меня накатило. Прости, милый, ты ни в чем не виноват. Прости.

– Прости меня, Элен. Если бы я только мог что-то для тебя сделать...

– Ну, что ты, Джек, – она помолчала. – Хотя...

– Что, Элен?

– Нет, Джек, не важно.

– Говори, Элен, я всё для тебя сделаю.

– Не давай поспешных обещаний, Джек, – она покачала головой.

– Слово офицера! Что я могу сделать для тебя?

– Ты знаешь, зачем лорд Брэндон ездил в Старый Свет? – она смотрела Джеку в глаза, не отрываясь.

– Встречался с другими лордами, – Джек пожал плечами, – это все знают.

– А зачем он с ними встречался?

– Не знаю, Элен. Не знаю, прости.

– В Лютеции кто-то из моих университетских друзей говорил, – Элен задумалась, – что лорды встречаются для того, чтобы заключить новый большой договор. Они хотят поделить территории в Старом Свете как-то по-новому. И еще те лорды хотят напасть на лордов Черного Континента и на лордов Вавилонии. Что-то связанное с контролем над нефтяными месторождениями. Они хотят привлечь лорда Брэндона в союзники тайно, чтобы он снабжал их армии техникой, и чтобы помог им и финансово, и в плане получения помощи от других лордов Нового Света.

– Не может быть! – поразился Джек. – Новая война лордов? Но это же поставит мир на грань уничтожения?

– Так говорят, Джек. Это только слухи. Но мы можем это проверить, и если это правда, то помешать.

– Мы? Как?

– Помоги мне, Джек, – Элен схватила руки лейтенанта. – Прошу тебя, помоги. Лорды должны были подписать договор, где всё прописано. Он наверняка в каюте лорда Брэндона. Если бы ты смог туда незаметно пробраться и найти этот договор... Я знаю одного журналиста, хорошего. Он всё опубликует. Всё станет известным, и план тайного нападения сорвется. Прошу тебя, Джек!..

– Но, Элен... – Джек изумленно смотрел ей в глаза. – Это же...

– Это шанс спасти мир! – Элен внезапно переменилась в лице. – Прошу тебя, Джек, прости меня! Это всё глупости, нельзя требовать от тебя такого. Нельзя так рисковать!... Просто ты сказал, что всё готов сделать, и я вот подумала... Прости меня, прошу тебя! Забудь это. Я тебе никто, ты не обязан рисковать из-за меня и карьерой, и жизнью. Забудь.

– Нет, нет, Элен, подожди, – запротестовал Джек. – Я обещал. Я поклялся. И потом, ты права – это шанс спасти мир. Шанс спасти тысячи людей, миллионы. Ради этого стоит рискнуть. Я сделаю это.

– Ты... Сделаешь?..

– Сделаю, – решительно подтвердил лейтенант. – Мне сейчас пора на вахту, а утром, сразу после вахты, я проберусь в каюту лорда и найду этот договор. Лорд Брэндон как раз в это время завтракает со всеми своими. В каюте и рядом никого не будет. Я найду, найду документы и выйду. Меня никто не заподозрит и не заметит.

– Ты правда сделаешь это? – Элен крепко обняла Джека и бросилась покрывать поцелуями всё его лицо. – Спасибо! Спасибо! Спасибо тебе, дорогой! Ты не представляешь, как много это для меня значит! Ты не представляешь, как много это значит для всего мира! Спасибо! Спасибо! Спасибо!

Джек свернул в коридор к каюте-люксу. До этого момента он вообще ничем не рисковал. Он помощник капитана, пусть и третий, в форме, а потому может находиться, где угодно на «Бисмарке», и никто ему не задаст никаких вопросов. До тех пор, естественно, пока он не откроет дверь в каюту лорда.

Ключ от каюты он осторожно стянул у старшего стюарда. Тот всю ночь провел, наблюдая за игрой в карты в салоне-библиотеке, и теперь отсыпался. Спать он будет еще часа два, поэтому времени более чем достаточно.

В коридоре было пусто. Не было никого и у двери каюты. Обычно, там стояли двое рослых охранников и двое охранных аниматов, но сейчас они ушли вместе со своим господином.

Джек прислушался. Тихо. Приложил ухо к двери каюты, подождал. Тоже тихо. Ну, что ж. Момент истины. Обратной дороги не будет. Малодушно поколебавшись – всё-таки на кону судьба всего мира – он осторожно вставил ключ в замок и медленно повернул его. Замок шелкнул, и дверь открылась. Ну, поехали.

Джек вошел в каюту, закрыв за собой дверь. Огляделся. Каюта была раза в четыре больше, чем каюта Элен, и раз в шесть, чем его собственная каморка на нижней палубе. Конечно, по меркам даже среднего отеля номер был крохотным, но так и находился он на высоте почти двух тысяч футов над землей. К тому же теснота с лихвой компенсировалась богатством отделки.

Джек быстро осмотрелся. Подошел к столу, открыл ящики – ничего. Заглянул в ящики секретера над столом: писчие принадлежности, бумага, маленькая пишущая машинка, ленты к ней, стопка копировальной бумаги, арифмометр. Ничего, заслуживающего внимания.

Он снова огляделся. Подошел к шкафу, открыл его. Костюмы, рубашки, галстуки, пальто. Никаких бумаг. Что-то заметил краем глаза, что-то не давало покоя. Джек обернулся и присмотрелся. Так и есть, между столом и кроватью, полускрытый покрывалом, на полу притаился коричневый портфель. В два шага Джек подошел к портфелю, достал его, поставил на кресло у стола, открыл. Стал копаться в бумагах: письма, счета, какие-то записки, доклады: что-то интересное, но нисколько не похожее на договор между лордами, о котором говорила Элен. Может, его и нет вовсе? Может, это только слухи?

Внезапно Джек услышал шаги за дверью. Он замер. Быстрым движением сунул пачку бумаг в портфель, закрыл его. Отчаянно заметался взглядом по комнате, надеясь, что шаги пройдут мимо, и в душе зная, что нет, не пройдут. Когда раздался глухой стук в дверь, Джек метнулся в шкаф. Закрыл за собой створки дверей шкафа ровно в тот момент, когда неизвестный гость повернул ручку двери каюты.

Джек замер. Кто-то вошел в каюту. Джек похолодел – он понял, что оставил портфель на кресле у стола, не успев убрать его на место. Раздались медленные шаркающие шаги. Анимат. Ну, хоть не сам лорд Брэндон. Хотя, кто знает, что хуже. Кто знает, на что способны эти аниматы? Может, он сейчас его в шкафу и учует.

Он замер. Шаркающие шаги прошли по комнате, к столу. Анимат постоял там, потом шаги приблизились. Джек понял, что анимат стоит прямо перед шкафом. Джек задержал дыхание. Долгих двадцать семь ударов сердца, ударов, разрывающих грудь. Наконец, анимат за дверью шкафа что-то невнятно проворчал, и шаги стали удаляться. Удаляться к двери.

Джек едва слышно вздохнул, невольно расслабившись, чуть повернулся, и тут тяжелое пальто соскользнуло с плечиков вешалки и упало вниз, стукнув о стенки шкафа и о его пол массивными роговыми пуговицами. Тихий звук, который в тишине шкафа показался Джеку громче выстрела пушки.

Двери шкафа резко распахнулись, ослепив Джека ярким светом электрических ламп на потолке. На него в упор смотрел безжизненными глазами высокий лысый анимат. Секунда – и анимат пронзительно завизжал, оглушив Джека. Джек рванулся вперед, оттолкнув анимата в сторону – тот тяжело упал на пол, не переставая визжать – и потеряв при этом фуражку. Кинулся к двери, два с половиной шага.

Но тут перед ним в дверном проеме вырос массивный охранник лорда – мордovorот фунтов под двести шестьдесят. Взмах рукой с неожиданной скоростью, и дубинка из плотной резины тяжело опускается на голову Джека. Схватившись за голову, Джек рухнул на пол и потерял сознание.

– Проснись, – щелчок пальцев.

Джека словно вынесло рекой из пещеры на яркое солнце. Он мгновенно пришел в сознание, но пошевелиться не мог. Через несколько секунд пришло осознание: он сидит в той же самой каюте лорда Брэндона, в кресле у стола, том самом, где он оставил портфель. Джек не связан, но пошевелиться не может, как будто все его мышцы ослабели и отказали. Но сидит он ровно, и ноги чувствует, значит, позвоночник цел. Вот только голова болит ну просто безумно.

– Зачем ты хотел меня убить, лейтенант Джек Клифтон? – холодно и спокойно спросил его человек, стоявший перед ним.

Джек узнал его сразу же. И испугался до усрачки. Сам лорд Брэндон. За его спиной совершенно бледный капитан Ханс Адлер, буквально трясущийся от ужаса. В комнате еще четыре охранника и два анимата.

– Зачем ты хотел меня убить? – терпеливо повторил лорд Брэндон.

– Я... – язык Джека слушался с трудом, в горле пересохло. – Я...

– Ваше могущество, – подсказал кто-то, стоявший за спиной Джека.

– Ваше могущество... – почти прошептал Джек. – Я... Я не хотел вас убивать.

– Вот как? – лорд посмотрел на него с интересом. – Тогда что же ты делал в моей каюте?

– Я... Случайно заблудился.

– Ваше могущество, – напомнил некто за его спиной.

– Ваше могущество, – покорно повторил Джек.

– Заблудился, – кивнул лорд. – Конечно, лейтенант.

Лорд пристально посмотрел на Джека и едва заметно взмахнул рукой. Всё тело Джека пронзила резкая боль. Болела, казалось, каждая клеточка. Суставы выворачивались. Из носа и из ушей потекла кровь. Джек забился, затрясся, по бедрам что-то потекло – он обмочился. Кишечник расслабился, испортив ему штаны.

– Не эстетично, – покачал головой лорд Брэндон. – Надо хотя бы запах убрать.

Тут же воздух в каюте очистился и снова стал свежим. Джек тяжело и быстро дышал. Боль отступила, но он знал, что она не ушла, а только затаилась, чувствовал ее, задремавшую и свернувшуюся клубком, как змея, внутри себя. Чувствовал, что стоит лорду повести пальцем, и она вновь распрямится, вцепится в него зубами и будет рвать его на мелкие кусочки.

– Я терпелив, – скучаяще произнес лорд, глядя Джеку в глаза, голубые глаза лорда завораживали, – я вполне могу подождать, пока ты осознаешь всю серьезность своего положения и начнешь говорить мне правду. Тогда я смогу подарить тебе быструю смерть. Иначе этот разговор будет долгим и мучительным. Долгим для меня, мучительным для тебя, конечно. Я не люблю всё это: допросы, пытки. Честно, не люблю. Это скучно и не очень красиво. Но ты, Джек Клифтон, не оставляешь мне выбора. И себе тоже. Повторяю вопрос. Что ты делал в моей каюте? Почему ты хотел меня убить? Почему спрятался? Почему пытался сбежать?

– Ваше... могущество... – Джек с трудом выдавливал слова из себя. – Я не хотел вас убить... Я зашел в каюту проверить... Нет, посмотреть, как живет настоящий лорд... Из любопытства, ваше могущество... Прошу, поверьте... Я услышал шаги, испугался, спрятался...

– Снова врешь, Джек, – грустно покачал головой лорд. – И как ты не понимаешь, что это бесполезно?

Лорд поднял руку. Джек зажмурился.

– Ваше могущество! – раздался голос из коридора.

– Что там, Грег? – лорд Брэндон повернулся к двери.

– Тут какая-то девушка. Говорит, что может объяснить про этого ублюдка, который к вам вломился.

– Правда? – удивился лорд. – А вот это уже становится интересным. Пропусти ее, Грег. Только проверь, что она без оружия.

К изумлению Джека через несколько секунд в комнату, низко склонив голову, вошла Элен всё в том же зеленом платье.

– Ваше могущество! – рыжеволосая девушка упала на колени. – Прошу вас, пощадите Джека! Это я, я одна во всём виновата.

– Интересно, – едва заметно усмехнулся лорд, переводя взгляд с девушки на Джека и обратно. – И кто ты?

– Элен Абигейл МакМиллан, – девушка, не вставая, посмотрела на лорда полными слез большими зелеными глазами.

– Ну, давай, Элен Абигейл МакМиллан, рассказывай.

– Ваше могущество, – начала рассказ Элен, – прошу вас, отпустите Джека. Не наказывайте его. Я виновата. Я с детства интересовалась историями о лордах. Всегда хотела с кем то из лордов познакомиться. Но где вы, и где я... И тут я вчера выпила, и по глупости попросила Джека...

– Попросила о чем? – нетерпеливо покачал головой лорд.

– Вы понимаете, вы тут, так близко, внезапно... – Элен замотала головой. – Я просто рехнулась. Еще и джин-тоник... Я попросила Джека пробраться в вашу каюту и украсть что-нибудь из одежды. Просто, чтобы у меня было что-то, что принадлежало настоящему лорду. Прошу вас, не наказывайте его... Это я во всем виновата.

– Что, так и было? – лорд испытующе посмотрел на Джека. Тот только молча кивнул головой.

– Прошу вас, Ваше могущество... – по щекам Элен текли слезы.

– Только фанатки-извращенки мне не хватало... – тяжело вздохнул лорд Брэндон. – Ладно, история признается правдоподобной. Дама послала рыцаря добыть трофей у злого чудовища, рыцарь задание провалил, дама пришла его вызволять. Романтика. Всё, как в легендах о нашем великом предке Артуресе и его рыцарях круглого стола. Но преступление есть преступление. Взлом, проникновение, попытка кражи, нападение на анимата. За это Джек понесет наказание. Я, правда, еще не решил, руки он лишится или глаза. Ты что выбираешь, Джек?

– Прошу вас, ваше могущество! – взмолилась Элен. – Не наказывайте Джека! Это моя ошибка, и искуплю ее я.

– Интересно, каким же образом? – лорд скептически ухмыльнулся.

– Я отдамся вам, лорд Брэндон. Отдамся так, как никому не отдавалась.

– Ха, нашла чем удивить, – презрительно усмехнулся лорд. – Не спорю, девушка ты красивая. Но знаешь, сколько у меня таких было? И сколько будет, стоит мне только моргнуть. «Отдамся» – как пафосно звучит. Думаешь, твое тело стоит того, чтобы оставить этого вот без справедливого возмездия? Думаешь, тепло твоего лона стоит справедливости?

– Я обучалась в Храме Розы в Магрибе.

– Вот как? – лорд Брэндон выглядел неподдельно удивленным. – Неужели?

– Да, ваше могущество, – подтвердила Элен.

– Ну, что ж, Элен Абигейл МакМиллан, – развел руками лорд. – Знакомство с искусством Храма Розы, пожалуй, действительно стоит, если не справедливости, то, хотя бы, милосердия. Если всё так, как ты говоришь, и тебе удастся меня впечатлить... Что ж, тогда я отпущу Джека целым и невредимым.

– Я прошу вас еще об одном милосердии, ваше могущество... – тихо произнесла Элен, опустив глаза.

– Что еще? – недовольно поморщился лорд. – Подарить тебе мои грязные трусы? И не мечтай.

– Нет, ваше могущество. Я прошу о том, чтобы наша встреча прошла там, где нас никто не увидит. Я незамужняя девушка, и я не хочу погубить свою репутацию.

– Неужели ученица Храма Розы заботится о таких глупостях, как репутация?

– Мы не в Магрибе, ваше могущество, – покачала головой Элен. – Здесь моя репутация мне важна. Как и репутация моих родителей.

– А, черт с тобой, – махнул рукой лорд, – пусть так. Что ты предлагаешь?

– Мы могли бы встретиться одни на задней палубе. На технической.

– Исключено! – внезапно встрял в разговор капитан Адлер.

– А тебя кто спрашивает, Ханс? – в голосе лорда прозвучали опасные нотки.

– Прошу прощения, ваше могущество, – низко склонился еще более побледневший капитан.

– Ключи? – лорд протянул руку.

– Конечно, ваше могущество, – капитан Адлер порылся в кармане, достал связку ключей и, сняв один из них, осторожно вложил его в руку лорда.

– Возьми, – лорд Брэндон протянул ключ Элен, она, поднявшись, взяла его. – Иди, приведи себя в порядок и приготовься. Я приду на техническую палубу ровно через час. Пожалуй, захвачу шампанское.

– Никогда не верь женщинам, Джек, – лорд Брэндон мрачно нависал над большим сильно наклоненным иллюминатором, опираясь на его раму.

«Бисмарк» только что гордо проплыл мимо небоскребов острова Скай Сити, сердца Нью Эвалона, приблизившись к стоэтажному Эвалон-билдинг настолько, что можно было разглядеть, как люди в ресторане наверху радостно машут огромному летающему кораблю.

Дирижабль теперь подлетал к острову Сэмюэль, куда прибывали все эмигранты из Старого Света для того, чтобы после переправиться к вокзалу Гарден Сити и оттуда уже разъехаться по всем уголкам Нового Света на поиски счастья или, что чаще, весьма опасных приключений на свои сидалища.

Вот и огромная позеленевшая от времени коленопреклоненная Статуя Покорности, установленная на Хьюмилити Айленд у входа в гавань Нью Эвалона, осталась позади. Капитан Адлер взял курс на юго-запад, к дирижаблепорту в Лэйкхилле. До посадки оставалось около получаса.

– Как видишь, оказалось, что твоей подружке на тебя наплевать, – лорд отвернулся от иллюминатора и прошелся по небольшому салону библиотеки, остановившись напротив сидящего на стуле в центре помещения Джека. – Я прождал ее на месте встречи полчаса. И она не пришла. Не пришла, Джек, хотя и знала, что этим тебя заставит страдать и, возможно, убьет тебя. Никогда не верь женщинам, Джек.

– Вряд ли ее за это можно винить, ваше могущество, – прохрипел Джек, взглянув в голубые глаза лорда. За спиной Джека стояли двое охранников. Еще двое у дверей. У огромной карты мира, нарисованной на стене, неподвижно замерли двое аниматов. Чуть в стороне от них, скучая, сидел на низком диванчике Грег Котлер, помощник лорда, невысокий худой лысеющий человек средних лет в круглых очках.

– Что ты имеешь в виду? Я так плохо выгляжу?

– Она ненавидит вас, лорд Брэндон, за то, что вы сделали с ее семьей.

– И что же я с ними сделал? – заинтересовался лорд.

– Вы убили ее дядю во время восстания. Отняли фабрику у ее отца, тем самым разорив семью. Отец Элен погиб из-за этого, а ее мать обречена страдать.

– Вот как? – удивился лорд Брэндон. – Отнял? Обречена? Чужь какая-то. Можно поверить в гибель дяди, так они знали, на что шли. Но отнимать фабрики? Зачем мне это, интересно? Мне что, Джек, по-твоему, своих богатств мало? Или своих проблем не хватает?

Джек молча пожал плечами.

– Интересно, – лорд положил руку на подбородок, – Грег!

– Да, ваше могущество! – помощник вскочил с диванчика.

– Ты же проверял всех пассажиров, – лорд повернулся к Грегу, – что там с этой Элен МакМиллан? Разве ты мог допустить, что на борту со мной будет человек, который меня ненавидит?

– Ээ... Элен Абигейл МакМиллан, – после секундного раздумья припомнил Грег, – девушка из хорошей семьи, родители владеют большой фермой, мукомольным заводом и фаб-

рикой джемов где-то на юге. Учится в Лютении, в университете. Нет никаких данных о том, что кто-то из ее родственников был связан с восстанием или с какими-то заговорщиками.

– Ты уверен, что это именно она?

– Описание совпадает, ваше могущество.

– Вот видишь, Джек, – лорд повернулся к лейтенанту, – даже в этом она тебе наврала. И как ей после этого верить? Так что она в реальности хотела от тебя? Сказки про то, что она моя тайная поклонница, оставим детям. Она лживая сучка. Предательница, которая без раздумий бросила тебя на растерзание львам. Зачем тебе ее покрывать? Что ты искал в моей каюте, Джек? Я понимаю, тебя подставили. Давай вместе поможем тебе выбраться из этой неприятной ситуации, причем выбраться с достоинством, а потом накажем истинную виновницу. Тебе даже удастся сохранить место на «Бисмарке», я об этом позабочусь. Так что, Джек? Поможешь мне?

– Она хотела найти договор, – Джек был потрясен.

– Какой еще договор? – лорд удивленно поднял брови.

– Который вы заключили с другими лордами в Норберге. О совместном нападении на лордов Черного Континента и Вавилонии из-за нефтяных месторождений. О поддержке, которую вы обещали лордам Старого Света. Она хотела опубликовать его, чтобы сорвать ваши планы и предотвратить большую войну.

– Бред какой-то... – лорд Брэндон потер виски. – Какой еще договор? Какая война? Что за нелепость? Мало нам предыдущей войны что ли? Кто в здравом уме мог вообще такое придумать? Разорвать мир на части, залить его огнем и кровью, и ради чего? Громы и молнии, неужели именно такими нас видят, если даже ты, умный человек, так легко поверил в этот бред?

– Разве не этот договор вы обсуждали с лордами в Норберге? – настала очередь Джека удивляться.

– Нет, конечно, – пожал плечами лорд Брэндон. – Это обычная встреча, мы каждый год так встречаемся. Иногда необходимо побыть вместе с теми, кто такой же, как ты, кто понимает, чем ты живешь, что ты чувствуешь. Поделиться мыслями. Ну, и текущие дела обсудить, конечно. Но новая война? Кому она вообще нужна? Это Элен тебе о ней рассказала?

– Да, – тихо подтвердил Джек.

– Ну, что ж, Джек, – лорд прошелся по залу библиотеки, размышляя, потом остановился и снова повернулся к пленнику, – ты, конечно, был обманут и одурачен. Однако нельзя не отметить, что ты по собственной воле и добровольно согласился участвовать в том, что ничем иным, как заговором против власти лордов назвать нельзя. Пусть ты искал то, чего нет, но ты был уверен, что этот договор существует, и пришел в мою каюту, чтобы его украсть. Тем самым ты совершил не только незаконное проникновение и попытку кражи, но и стал добровольным участником заговора, который был направлен против меня и всех лордов Старого Света. Оставим в стороне твое нападение на моего анимата и попытку бегства. Ты заговорщик, Джек, а значит, государственный преступник. Изменник. А за измену и восстание против лорда, как ты знаешь, есть только одно наказание: долгая и мучительная казнь. Именно это тебя и ждет, Джек, когда мы, наконец, приземлимся.

– Но ваше могущество! – лейтенант побледнел. – Вы же сказали, что я могу вам довериться? Что я могу вам всё рассказать? Что вы мне поможете?

– Ну и что? – пожал плечами лорд Брэндон. – Чего только не скажешь, чтобы разговорить преступника. Осталось дело за малым. Если уж казнить, то не одного тебя, а вместе с этой змеей. Грег, сходи к капитану и прикажи задержать посадку. До посадки надо найти эту Элен, где бы она ни пряталась. Интересно, где она?

– Здесь, – раздался мелодичный голос от двери.

Лорд обернулся. У входа в библиотеку стояла Элен. Она переоделась в белый брючный костюм, допустимый для прогулок и занятий спортом в Старом Свете и однозначно осуждае-

мый в высоком обществе Нового Света. Ее роскошные рыжие волосы были собраны в хвост такой же ослепительно белой лентой.

– Ну, надо же! – усмехнулся лорд. – Элен Абигейл МакМиллан, собственной персоной! Ты же и правда Элен? Или кто ты на самом деле?

– Имя мое не важно, лорд Брэндон, – девушка гордо и бесстрашно смотрела прямо в глаза лорду.

– Как скажешь, – согласился лорд. – А что стало с настоящей Элен?

– Надеюсь, с ней всё хорошо, – предположила она. – Не знаю, если честно.

– Ну, что ж, Элен, или как тебя там, – лорд показал рукой на Джека, – посмотри на этого человека. Невинного вчера еще человека с безупречным послужным списком, который по твоей вине сидит здесь и будет жестоко казнен. Скажи мне, ради чего ты принесла его в жертву? Ради мифического договора? Ради собственного эгоизма? Ты могла спасти его, у тебя был шанс, который ты сама же и выпросила у меня. Но ты не воспользовалась этим шансом. И теперь он умрет. Умрет из-за тебя. Тебе не жалко его, Элен?

– Мне, в общем-то, плевать на него, – девушка пожала плечами. – Он свое дело сделал. Я получила то, что хотела.

– И чего же ты хотела? – лорд с удивлением посмотрел на нее.

Она промолчала.

– Ну, что ж, – лорд подошел к иллюминатору и, наклонившись над ним, всмотрелся в зелень проплывающего внизу леса, потом снова повернулся к ней, – не хочешь говорить, не говори. Когда мы приземлимся, Ханс Гюнтер найдет способ всё узнать, так или иначе. А потом вы с Джеком будете умирать. Долго и мучительно. И, может быть, даже не один раз. Мистер Гюнтер свое дело знает.

– Знаете, ваше могущество, – она посмотрела на стрелки больших часов, висевших на стене библиотеки, – горите вы все в аду!

– Ключ! – внезапно догадался лорд. – Тебе нужен был ключ от технической палубы!

Оба анимата внезапно дико взвыли и, вопя, схватились за головы и упали на колени.

Девушка улыбнулась.

Джошуа Вернер делал репортажи о прибытии дирижаблей уже далеко не в первый раз. Настолько, что в Лэйкхилле его уже хорошо знали, и ему даже не требовалось доставать удостоверение журналиста Нью Эвалон Таймс. Простые рабочие дирижаблепорта, помогающие дирижаблям пришвартоваться, ценили общительность и внимательность Джошуа, а потому подсказывали ему места, откуда фотография получится с наилучшим ракурсом. И как-то так получалось, что Джошуа был ближе всех коллег из других изданий к швартовочной мачте.

Сегодняшний день не был исключением. Лорд Брэндон возвращался из Старого Света на огромном, новом, но уже легендарном «Бисмарке». Протокольное мероприятие. Десяток фотографий: дирижабль, лорд, пассажиры. Пара вопросов пассажирам, экипажу и, если у лорда будет настроение, то и самому лорду Брэндону, и можно возвращаться в Нью Эвалон. Забежать в редакцию, отдать снимки на проявку, быстро набросать коротенькую статейку, и можно отправляться пить пиво в один из многочисленных баров.

Сигарообразный летающий корабль Джошуа заметил издали. Намного раньше других, но вида не показал. Встречающие же, стоявшие чуть поодаль, эмоций не скрывали. Раздались веселые крики, кто-то даже прыгал от радости.

Воздушный корабль быстро приближался, влекомый своими четырьмя мощными двигателями, каждый более тысячи лошадиных сил. Скоро он зависнет над причальной башней, выбросит канаты, и мощные лебедки притянут его к месту швартовки.

Джошуа достал из портсигара сигарету, прикурил, закрыв пламя зажигалки от легкого ветра. Проверил фотоаппарат, приготовившись снимать. Сделал пару снимков на подлете.

Дирижабль завис над Лэйкхиллом. Гладкие надутые бока сигарообразной воздушной машины блестели в лучах заходящего солнца. Четыре хвостовых стабилизатора придавали дирижаблю сходство с рыбой или, скорее, китом. Джошуа задрал голову, рассматривая его. В правой руке держал фотоаппарат, левой придерживал свою неизменную клетчатую шерстяную кепку. Губами перебросил сигарету из левого уголка рта в правый.

Внезапно раздался негромкий хлопок. Дирижабль как будто содрогнулся. Джошуа удивленно нахмурился. Вдруг из нижней части дирижабля, ближе к хвосту, вырвался большой язык оранжевого пламени. Пламя взметнулось вверх, и через секунду вся задняя часть воздушного судна была объята бушующим огнем.

Зрители на земле закричали. Оранжевое пламя быстро распространялось вперед и вверх, пожирая обшивку дирижабля, тающую, как лед тает под струей кипящей воды. Пылающий шар, в который превратился дирижабль, тяжело осел вниз, с грохотом металлических конструкций рухнув на землю. Кепка слетела с головы остолбеневшего Джошуа. Сигарета выпала у него изо рта, раскрывшегося в беззвучном крике.

Казалось невероятным, что этот красивый и гордый воздушный корабль всего за несколько секунд превратился в груды металлических обломков, пылающих адским пламенем на земле – но это было именно так. Джошуа чувствовал на своем лице обжигающий жар, видел черные искореженные балки металлических конструкций каркаса, торчащие из ослепительно пылающего костра, вдыхал тяжелый и резкий запах горящего дизельного топлива. И если и существовал мифический ад, в чем Джошуа откровенно сомневался, то, по его мнению, выглядеть он должен был именно так.

Люди бежали к обломкам «Бисмарка», но останавливались, боясь приблизиться. Жар опалял кожу. Женщины рыдали, мужчины кричали. Всё вокруг превратилось в суету и хаос. Кто-то бежал с пожарными рукавами, кто-то бессмысленно зывал о помощи, хотя помогать было некому, кто-то просто бился в истерике на земле. Журналисты фотографировали, кинооператор остервенело крутил ручку кинокамеры, радиожурналисты что-то кричали в свои микрофоны, кто-то бежал к телефонам, где-то завывали сирены.

Джошуа молча пошел вперед. Он шел, пока его не остановил жар. Он стоял молча, впереди всех, оставив за спиной суету. Он поймал себя на мысли, что, наверное, он плохой журналист: ему стоило бы сейчас поднять аппарат и фотографировать, фотографировать. Но он отчего-то не мог заставить себя это сделать. Он просто стоял, вглядываясь в пляшущее пламя, молча и неподвижно, и пытался запомнить свои ощущения, свои чувства и свои мысли. Позже он напишет именно об этом, и его статья получит многочисленные награды и будет изучаться как образец прекрасной журналистской работы на протяжении многих десятилетий. Но это будет позже, а пока Джошуа Вернер, корреспондент Нью Эвалон Таймс просто стоял и вглядывался в пламя.

Возможно, именно поэтому, он был первым, кто заметил. В пламени появилось какое-то движение. Через секунды появилась фигура. Черный человеческий силуэт, который медленно вышел из пылающего ада и пошел в сторону остолбеневших зрителей.

Человек, не спеша, будто прогуливаясь, прошел несколько сотен футов, отделяющих объятые пламенем руины дирижабля от замерших зрителей. Ни пламя, ни копоть не оставили ни следа на его отлично сшитом светло-бежевом костюме. Он подошел и скользнул голубыми глазами по замершей в оцепенении толпе. Кто-то, не выдержав холодного взгляда этих голубых глаз, закрыл лицо руками. Кто-то, с нервами послабее, рухнул на колени. А Джошуа, встретив взгляд этого человека, напротив, вышел из секундного оцепенения, и сделал шаг к нему.

– А, мистер Вернер! – лорд Брэндон приветливо и слегка насмешливо улыбнулся. – Тринадцатый раз, мистер Вернер! Тринадцатый раз меня пытались убить! И у них снова не получилось. Мы скорбим по безвинно павшим, виновные уничтожены, зачинщиков ждет быстрое,

жестокое и неизбежное возмездие, страховая компания покроет все убытки. Так и напишите, мистер Вернер. А сейчас, если позволите, мне пора ехать. Дома меня ждут дети.

Лорд Брэндон кивнул и, не обращая внимание на засыпающих его вопросами журналистов, словно ножом разрезая толпу, направился к ожидающему его на краю поля мобиле с водителем-аниматором за рулем.

Часть IV. Красавицы и чудовище

– Опять селедка? Ну сколько можно? – девочка раздраженно топнула ножкой.

– Бланка, пожалуйста, не надо, – высокая темноволосая девушка поставила тарелку на стол и устало сняла фартук из клетчатого ситца.

– Нет, Кларисса, не пожалуйста, – девочка придвинула кособокий стул к маленькому столу и брезгливо посмотрела на воняющие куски рыбы, лежащие на старой щербатой фарфоровой тарелке. – Протухшая селедка, хлеб из отрубей и картошка: зимой мороженная, летом подгнившая. Вот всё, что мы едим. Сколько можно?

Селедочное зловоние, тем временем, распространялось по маленькой комнатке. Тринадцатилетняя Бланка и двадцатилетняя Кларисса жили в комнатке в подвале старого кирпичного здания, затерянного в темных и узких закоулках Грейвсенда, на окраине Нью Эвалона. На едва ли восьмидесяти квадратных футах помещался стол, обеденный и он же рабочий, умывальник с ржавым краном, почерневшая дровяная плита, пара покосившихся стульев и скрипучая пружинная кровать, на которой Кларисса с младшей сестрой спали вместе – так теплее.

Сыро здесь было всегда, а зимой еще прибавлялись жестокие и непрерывные сквозняки, холодом дышала, казалось, каждая трещина в стене. Крыс и мышей, однако, в здании почти не бывало. Во-первых, потому, что у его обитателей было нечем поживиться, а во-вторых, потому, что некоторые из обитателей многочисленных таких же комнатушек, расположенных на пяти надземных и трех подземных этажах, были совсем не прочь превратить неосторожных грызунов в свой ужин.

– Бланка, ты же знаешь, – Кларисса погладила сестру по голове, – еда стоит дорого, а нам надо платить и за комнату, и за дрова, и тебе за школу. И надо накопить денег на твоё обучение в университете. Вот поступишь туда, закончишь, устроишься на хорошую работу. Может быть, даже выйдешь замуж за хорошего человека с деньгами. И забудешь об этой селедке и картошке, как о страшном сне. Пожалуйста, потерпи еще чуть-чуть.

– С такой едой неизвестно, доживу ли я вообще до этого, – Бланка брезгливо поковыряла селедку вилкой, но начала успокаиваться.

– Прости меня, милая, – Кларисса подвинула стул и села рядом с сестрой. – Я стараюсь. Но сейчас такие времена, что много не заработаешь.

– Так, может, поискать работу получше? – Бланка, сморщившись, проглотила кусок селедки. – Ты такая хорошая, Кларисса. У вас там в этой редакции тебя совсем не ценят. Много ли желающих работать по ночам? Что ты там вообще делаешь?

– Я же тебе говорила, милая, – Кларисса смотрела на трещину на столе. – Журналисты пишут свои статьи от руки, а я ночью набираю тексты на машинке, чтобы утром редакторы могли всё отредактировать. Нас, ночных машинисток, там много. Сейчас сложно с работой, особенно для девушки без образования. Желающих работать много, я должна держаться за это место, чтобы у нас была хотя бы эта селедка.

– Проклятая селедка... – Бланка отодвинула от себя тарелку.

Кларисса зарыдала.

– Прости меня, Бланка, прости... – она закрыла лицо руками, оперев локти на стол, ее плечи тряслись. – Прости меня, милая... Я не могу дать тебе больше. Я стараюсь, правда стараюсь... Но это всё, что я могу. Прости меня, Бланка, солнышко.

– Что ты, Кларисса? – Бланка кинулась обнимать сестру. – Это ты меня прости, я такая неблагодарная. Прости меня, пожалуйста. Я знаю, ты стараешься. Знаю, ты делаешь всё, что можешь. Просто всё так несправедливо. Я так устала от всего этого...

Бланка гневно стукнула кулачком по корявым доскам стола. Кларисса вздрогнула. Тарелка с селедкой подпрыгнула. Три свечи, стоящие на плите, мгновенно погасли, погрузив

комнату в темноту. В темноте раздался щелчок маленьких пальцев. Свечи снова вспыхнули, осветив испуганное лицо Клариссы.

– Бланка! – Кларисса схватила девочку за плечо. – Я сколько раз тебе говорила, чтобы ты так не делала? Ты не понимаешь, как это опасно?

– Прости, Клэр, милая, прости, – девочка и сама испугалась, – я не хотела. Просто вырвалось.

– Бланка, детка, мы с тобой об этом разговаривали. И не раз. Мало того, что это опасно – ты можешь спалить весь дом. Но если об этом узнают лорды, если кто-нибудь им донесет, а желающих много, поверь, то они тебя заберут. Все знают, что они забирают таких детей, чтобы не создавать себе конкурентов. Магия принадлежит только им. Они придут, заберут тебя и убьют. Или еще хуже, вынут твои мозги и превратят тебя в бездумную живую машину, в этих своих аниматоров.

– Но это всего лишь пламя свечи, – попыталась возразить Бланка.

– Какая разница, милая? – Кларисса погладила сестру по руке. – Они забирают всех, у кого есть даже малейшие намеки на магические способности. И эти дети исчезают навсегда. Прошу тебя, никогда, ни за что, не демонстрируй этого людям. И даже здесь не надо. Никто не знает, кто и когда это увидит. Ты знаешь, что у этих стен есть и уши, и глаза. Очень злые, очень завистливые и очень жадные уши и глаза. Прошу тебя, забудь о своих умениях. Нужно поджечь свечу, возьми спичку. На спичках мы не разоримся.

– Я понимаю, Клэр, понимаю... – почти прошептала Бланка. – Но я не всегда могу это контролировать. С тех пор, как погибли родители, это поселилось во мне, и я не знаю, что с этим делать. Как будто змея внутри меня, или пружина часов. Это свернулось и я чувствую, что ему хочется вырваться на свободу. Я контролирую, но когда я злюсь или мне страшно... Но я стараюсь, стараюсь, Кларисса, правда. Прости меня.

– Хорошо, милая, – Кларисса встала и поцеловала Бланку в макушку. – Я люблю тебя, зайка. Мне уже пора на работу, а ты, пожалуйста, доешь селедку и делай уроки. Ты должна хорошо учиться, чтобы всё не пропало зря. Увы, но, похоже, что только ты можешь вытащить нас из этого подвала.

– Хорошо, – девочка снова придвинула к себе тарелку. – Я тоже люблю тебя. Прости меня, пожалуйста.

Электрические фонари, заливающие своим светом широкие улицы. Громкие бодрые звуки джаза и свинга, доносящиеся из-за дверей клубов и ресторанов. Большие стеклянные витрины, в которых демонстрировались переливающиеся в ночных огнях бальные платья, шикарные сумки, сверкающие драгоценности и изысканные деликатесы. Хорошо одетая публика: женщины в длинных модных платьях и мужчины в костюмах, сюртуках и фраках, с тростями и в дорогих шляпах, выходящие из автомобилей, прогуливающиеся вдоль витрин или исчезающие в манящих глубинах ресторанов и дорогих отелей. Клаксоны автомобилей, рев двигателей, крики продавцов газет, смех, музыка. Шум, свет, движение и радость.

Всё это было там, за рекой, в неистовой суете кипящего жизнью Скай Сити. То самое сердце Нью Эвалона, в которое устремлялись богатые туристы из Старого Света, пересекающие Титанический океан на роскошных морских лайнерах и дирижаблях. Сюда же спешили и тысячи разоренных засухами и болезнями скота фермеров из Бриттии, с Зеленых Островов, из Галлии, Готтландии, и даже из Полонии и Киевии. Эти, правда, надолго не задерживались и быстро разбредались либо по другим городам Нового Света, либо, не в силах противиться манящим огням Нью Эвалона, оседали вокруг Скай Сити: к северу от сотых улиц и реки Халлем в Бронсе, в Гарден Сити на западе или здесь, к востоку от Истривер, в Грейвсенде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.